

Александр Димидов

4

*унции
кофе*

роман

Александр Димидов
Четыре унции кофе

«Издательские решения»

Димидов А.

Четыре унции кофе / А. Димидов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965881-4

Что, если бы «Coca Cola» поделилась с миром пресловутой секретной формулой? Что, если бы легендарный Марк Цукерберг обнародовал свои идеи до того, как создать «Facebook»? Пошаговая, рассчитанная на интерактив, история трех бизнес-проектов от «миллионера поневоле» Джонатана Лоста. Колоритная картинка современного бизнеса, в которой есть все — от детективных погонь и любовных историй до маркетинговых схем. Первый из четырех романов об американском бизнесмене. Основан на реальных фактах.

ISBN 978-5-44-965881-4

© Димидов А.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
БЛАГОДАРНОСТИ	7
ПЛАСТИД	8
АДСКАЯ КУХНЯ	10
ШКОЛА МИДА	13
ЛИАРЫ	17
ХЛОЯ	20
ЯЧЕЙКА СОРОК СЕМЬ	24
APPASSIANATO, APICERE	28
ВООРУЖЕН И ОПАСЕН	32
ПУСТЫЕ ХЛОПОТЫ	37
ИНОГДА ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ	40
В КРУГЕ ПЕРВОМ	43
ИСХОД	50
ДРУГИЕ БЕРЕГА	53
ОСТОВ	55
ЗАПАДНЯ	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Четыре унции кофе

Александр Димидов

Если вы думаете, что самый лучший, самый дорогой в мире кофе делают из зерен, которыми испражняются мустанги на островах Индонезии, – значит, о настоящем кофе вы не знаете ничего. Ровным счетом.

Грэнт Уолберг, А.А.Р.

© Александр Димидов, 2019

ISBN 978-5-4496-5881-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Эта книга была написана мною под псевдонимом в 2017 году. Впоследствии мне пришлось переработать роман, сделав его, что называется, более читабельным. Прежний текст напоминал братскую могилу, в которой диалоги были похоронены в общей канве, а подача материала единым потоком «не радовала глаз» и затрудняла восприятие. Я разбил слишком длинные главы и расставил дополнительные акценты.

Смысл остался прежним. Добавить мне больше нечего. Я – как старый садовник. Эта ухоженная моими потом и кровью земля опротивела мне настолько, что в знойный полдень я спешу уединиться в тени дуба на пригорке и бесконечно смотреть на море, только чтобы не видеть ее.

А. Димидов.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает искреннюю признательность:

М-ру Виканжело Баллаку (The Academy of Motion Picture Arts and Sciences)
М-сс Шанталь Диннаж (The Hollywood Foreign Press Association)
М-ру Клаусу Швабу (World Economic Forum)
М-ру Дитеру Косслику (Berlin International Film Festival)
М-ру Нэйлу Портнову (The GRAMMY Foundation)
М-ру Гиллу Джейкобу (Cannes International Film)
М-ру Брюсу Розенблуму (The Academy of Television Arts & Sciences)
М-ру Паоло Баратто (Venice Biennale)
М-ру Ларсу Хайкенстену (The Nobel Foundation)
М-сс Аннике Понтикис (The Nobel Foundation)
М-ру Трэйси Роббинсу (InterContinental Hotels Group PLC)
М-ру Стивену П. Холмсу (Wyndham Worldwide)
М-ру Арне М. Сорренсону (Marriott International, Inc.)
М-ру Кристоферу Дж. Насетте (Hilton Worldwide)
М-сс Джойс Индербитцим (Hilton Worldwide)
М-сс Труди Ротио (Carlson Rezidor Hotel Group)
М-ру Джону Уоллису (Hyatt Hotels Corporation)
М-ру Роберту Яну Эрлу (Planet Hollywood International, Inc)
М-ру Рональду С. Бискину (Wolfgang Puck Worldwide, Inc.),

а также другим представителям международных коммерческих и общественных организаций, включая всемирно известные event агентства, к которым он имел честь обратиться, за их решения по поводу нижеизложенного проекта.

Страшно подумать, что бы могло произойти, сложись все иначе.

ПЛАСТИД

Я всегда мечтал путешествовать налегке. Когда весь багаж помещается в карманах, а проще говоря, вы не везете ничего, кроме паспорта и бумажника. Попахивает утопией. Как минимум, несессер нужен обязательно. А иначе, как прожить без станка для бритья и дорожного набора? Предположим, комплект белья можно купить по дороге в отель. Но с годами добавляются теплые носки, дорожный плед, медикаменты. А если вы ведете жизнь невидимки – то есть человека, не привязанного к месту и не стесненного финансами – то без хорошего ноутбука никак не обойтись. Айфон или айпэд, конечно, снимают проблему коммуникации. Ведь даже человек с плохим зрением в состоянии мгновенно увеличить изображение чего бы то ни было, совершив едва заметное движение большим и указательным пальцами. Его, кстати, традиционно используют парамедики, чтобы получить доступ к зрачкам потерпевших. Но когда дело касается ожидания в кресле аэропорта, в городских пробках и прочих вынужденных простоях, большой экран под рукой просто незаменим.

Помню, как пару лет назад застрял в PRG на четыре дня. Все трансатлантические рейсы были отменены из-за того, что в Исландии проснулся вулкан. Произнести его название без вывиха языка невозможно. Отель был расположен на территории аэропорта, питание тоже обеспечили. Можно было вернуться в Sheraton, но с утра до вечера моросил дождь, и Прагу заволочло туманом. В итоге я получил уникальную возможность дорваться до коллекции европейского кино, которую возил неприкосновенной годами на жестком диске своего «Макинтоша». Лучшие золотые львы, серебряные медведи под сенью пальмовых ветвей четверо суток гостили в моем номере. Я делал паузы только по физиологическим причинам. И мне не хватало моего кофе, потому что коробка уже давно была отправлена на материк.

Что за коробка? Не самый дешевый, но все же вполне действенный способ осуществить пресловутую розовую мечту путешественника. Жизнь налегке. В двадцать первом веке все почтовые операторы предлагают курьерскую доставку. Так что нам повезло. Путешествуя из страны в страну, из города в город, из отеля в отель больше нет смысла возить с собой все свое барахло. Самое нужное помещается в стандартную коробку почтовой службы. Остальное можно купить, где бы вы ни находились. Курьер сам заберет ваш скарб из номера отеля и доставит в любую точку земного шара. Без преувеличений. Даже самые глухие места на карте – это только вопрос цены. А поскольку львиная доля моих переездов не выходила за пределы популярнейших магистралей, курьеры с моей коробкой в основном курсировали внутри сети интерконтинентальных отелей. Заклеенный скотчем почтовый ящик стал моим предвестником. Сначала в отеле появляется он, затем я.

В редких случаях мы приходим одновременно. Раз или два приходилось заполнять бланки розыска, но все разрешилось благополучно. Увы, мне есть что терять. Мой багаж упакован по одному и тому же шаблону. На лист пенопласта я кладу кожаный кейс, обвязанный пленкой. Как правило, это самая ценная часть груза. Кейс мне изготовили по заказу в мастерской Джона МакКанингема, Баффало, штат Нью-Йорк. Много лет назад. Добротная кожа рыжего цвета, надежные фиксаторы. Внутри – ложемент из настоящей губки (не путать с поролоном). Левая, самая крупная ячейка, отведена под электрическую плитку образца 1935 года. Такой пользовались английские моряки. У нее литой керамический корпус, который сверху напоминает круглый лабиринт. От центра, между толстыми стенками, проложена стальная спираль, похоже, оригинальная. Вилку, конечно, пришлось заменить. Прелесть этого изделия, помимо камерных размеров, состоит в том, что оно дает ровное тепло и быстро нагревается до предельных температур.

В прямоугольной секции рядом с плиткой покоится настоящая персидская далла. Восемнадцатый век. Олово ручной плавки, обшитое чеканной медью. Древний мастер изобразил

караван верблюдов, бредущих по пескам. Семь всадников. За ними, замыкая шествие, идет одинокий лев. Выше, над черепом слона, парит орел. В сердце вписан трилистник, и языки пламени в шахматном порядке разбросаны по всей поверхности. Орнаментом этой картине служат густые заросли, образованные искусственным сплетением цветов нарцисса, шиповника и гвоздики. Короткая ручка отделана не деревом, а черным камнем, похожим на гагат. Такая ручка «лежит» в ладони. Мерную ложку мне подарили. Этот скуп обычной формы, но сделан в Колумбии из чистого серебра. По легенде, настоящая чашка кофе должна быть приготовлена из двадцати трех кофейных зерен. Именно столько в молотом состоянии помещается в эту мерную ложку. Не знаю, о каких именно зернах шла речь в легенде, уверяющей также, что заветная чашка, выпитая утром, предвещает счастливый день, полный успеха. Словом, фольклор. Мне грех жаловаться, но чтобы удача каждого дня зависела от утренней чашки кофе...

Вторую половину кейса занимают семь одинаковых прямоугольных ниш, в которых я держу стеклянные капсулы в бамбуковой оплетке. Святая святых моего кофейного храма. В каждой из них зерна особого сорта. Что касается кофемолок, то никаких особых предпочтений у меня нет. На рынке хватает именитых производителей, и в любом отделе кухонной техники можно выбрать портативную машинку для перемалывания зерен в пыль. Так что кофемолка идет поверх кейса. Вместе с парой брюк, книгой, бельем и прочим хламом, который я отказываюсь тащить на себе.

Конечно, в отелях, где я останавливаюсь, есть возможность спуститься в ресторан или выпить кофе в баре. Можно заказать чашку в номер. На худой конец, вас ждет стандартная кофеварка – этот черный лакированный склеп со сменными фильтрами. В соломенной корзине по соседству, как правило, оставляют пару-тройку кофейных пакетов (среди прочего – обязательно хотя бы один – decaffe). Чем дороже отель, тем качественнее будет кофе в корзине. Но странный процесс, в ходе которого кусок пластика будет шипеть, кряхтеть, сморкаться и плевать кипятком сквозь кофейную жижу, пока не выдавит этот субстрат в кувшин из небьющегося стекла, не имеет ничего общего с завариванием кофе. А в ресторан не принято ходить с собственными зернами. Так что меня можно считать гурманом поневоле.

Кое-где к почтовой коробке с моим именем так привыкли, что иногда пытаются подтрунивать надо мною. Порой даже на грани фола.

Однажды я пожаловался Джоан, очаровательному менеджеру Nyatt в Честере, что, если она еще раз поселит на моем этаже трубача (мне плевать, в каких оркестрах он играет и сколько регалий над его каминной доской), то следующая посылка станет последней.

Джоан изобразила фальшивый ужас. Она прикрыла губы рукой и произнесла вполтона, подбострастно глядя мне в глаза:

– Вы пришлете нам свое сердце?

Стоило оценить степень ее дружеского сарказма.

– Нет, ответил я. – Просто к вам я больше не приеду.

А в коробке будет пластид.

АДСКАЯ КУХНЯ

– Джонни! Джонни! Джонни! Джонни!

Он всегда кричал это полуистерическим голосом. Орал каждые две минуты. По поводу и без повода. Казалось, будто невидимая рука, поселившаяся в мотне засаленных штанов размера четыре икс, периодически сжимала его тестикулы, выдавливая один и тот же вопль из жирной глотки: Джонни! Единственное слово, которое он знал.

Между залом и кухней была подсобка в три шага шириной. В зале он вел себя паинькой, угождая клиентам, но стоило ему перекатиться (триста фунтов веса при росте пять футов) в подсобку, как он тотчас вспоминал обо мне. Словно в дверной косяк перегородки был вмонтирован злоеущий датчик, посылавший мое имя в его заплывший салом мозг всякий раз, когда он приближался к кухне. Как же я ненавидел этот кусок дерьма! У ненависти есть множество степеней. Пусть самый отчаянный бедолага назовет крайнюю, я все равно смогу добавить к ней свою.

Мы невзлюбили друг друга с первого взгляда. Но когда я попал в эту богадельню три года назад, жирный окорок подъедался помощником хозяина. С самого начала он был высокомерен до предела, и я старался не подставляться понапрасну. А если случались откровенные наезды с его стороны, я не велся, предпочитая сразу обращаться к Дорис. Она знала, как вести себя с этим уродом.

Жирдяй Тони, так называли его за глаза в этой дыре. Джон, хозяин «Берлоги» и муж Дорис, умер от инсульта, а год спустя врачи поставили ей диагноз в клинике Хэттуэя. Она старалась держаться бодрой, как ни в чем не бывало. Но мы понимали, что исход предreshен, и, рано или поздно, бар придется продать. Жирдяй становился тем наглее, чем меньше оставалось сил у Дорис и чем реже появлялась она в заведении. У него не было шансов, и он это понимал. Старуха никогда не продала бы «Берлогу» этому ублюдку, даже если бы он согласился заплатить втридорога. И дело было не в том, что он не справлялся со своими обязанностями. Как раз наоборот. За долгое время Джону удалось выдрессировать этого хряка до состояния циркового хомячка. Но ни такта, ни уважения (что уж говорить о сострадании) воспитать в нем так и не вышло.

Дорис чувствовала его сердцем. В жизни попадают омерзительные особи, которых природа создает для баланса. Если есть розарий, значит, где-то поблизости бродит скунс. Так случилось, что единственный дядя жирдяя из Оклахомы двинул лыжи в аккурат той зимой, когда Дорис стала носить вязаные шапки не снимая. Деньги от продажи захолустной дядюшкиной фермы пришлось как нельзя кстати. И жирный Тони придумал план. Не надеясь победить в лобовую, он пополз огородами. В Квинсе он уговорил адвоката (старые карточные долги) сторговаться с хозяйкой, а потом переоформил все на себя. Я помню тот день, когда его наглая рожа застыла на пороге бара и растеклась квазисчастливым улыбкой. Двух официанток он уволил тотчас (ни одна из них не дала ему даже прикоснуться). Меня ожидала та же участь. Если бы Тони умел готовить. А стряпать он не любил. Не умел. И не мог. Оказаться в жаре с таким весом, в царстве огня и пара, значило приближать неотвратимый апоплексический удар. Мог ли он найти другого повара? Вполне. Но головная боль управляющего в «Берлоге» заключалась в том, что удержать классного спеца в этом захолустье было почти невозможно.

Трасса 92 служила единственной живоносной артерией, приносящей клиента. Местные забулдыги не в счет – проку от них мало. Удачное расположение и доступные цены – вот то, что делало этот бар популярным к востоку от Артура. В часы пик в зале было не протолкнуться. Покойный Джон когда-то даже заказал огромный выносной щит «Извините, все занято», чтобы люди понапрасну не останавливались. В такие часы кухня гудела на всех парах, и поварам приходилось ох как не сладко. Надо отдать последнюю дань уважения Дорис – за четыре месяца

до смерти и за два до продажи она сделала то, о чем Джона умоляли годами. Она купила новые вытяжки и добавила два притока.

Если бы старина Пол, полукровка из Вайоминга, обучавший меня кулинарным азам, увидел теперь свою кухню, он бы наверняка крикнул что-нибудь скабрзное. Пол зарабатывал больше, чем кто-либо до него, но и продержался в «Берлоге» неестественно долго. Его погубила трава. В зале висел пасторальный пейзаж – песчаная коса на берегу океана – и Пол, появляясь в «Берлоге» к началу смены, прикасался пальцами к прибору наподобие того, как набожные католики опускают пальцы в чашу при входе в собор. Он грезил Калифорнией. Парень с его талантом мог устроиться, где угодно. Пол был поваром от Бога, а таких ребят надо искать. «Однажды, – любил повторять он, пережив очередной девятый вал, – я приколю свою бандану ножом к барной стойке и пошлю вас всех на хер. В Санта-Розе есть отпадный пляж. Я сделаю плот из конопли, повешу звездно-полосатый парус, возьму гитару и мешок дури вместо подушки. Я назову его «Сэйнт Пол». И он заливался заразительным смехом, вытирая пот со лба.

Жирдяй Тони смотрел на него с уважительной опаской. Пол запретил ему переступить порог кухни. На всякий случай рядом с дверью висела старая разделочная доска, и Пол любил, покончив с очередной порцией стейка, засандалить нож с двадцати футов. Себя он называл проститутотом. «Я умею готовить лангустов и парфе по-берлински, – говорил он, – а кто я здесь? Король фритюра? Властелин недожаренных гренок?..». Он учил меня тому, что умел, и чем лучше у меня получалось, тем больше удалялся он от процесса, постепенно погружаясь на дно своей безмятежности. Все выглядело, как обычно. Он живо передвигался по кухне, говорил и смеялся. Но я понимал, что настоящий Пол в тот момент сидел на песке в тысяче миль отсюда и смотрел, как занимается волна. Остановить этот процесс никто бы не смог. Он стал опаздывать. Затем начал пропадать, ссылаясь на внезапную простуду. А потом просто исчез. Мы даже не попрощались. Придя на смену, я обнаружил надпись кетчупом на задней стенке холодильника: «Беги отсюда, малыш».

Но мне, в отличие от него, убежать было гораздо сложнее. И Жиробас это прекрасно знал. После ухода Пола магический круг, не дававший ему войти на кухню, исчез. Он стал наглеть, но я регулярно отплевывался и в самых патовых случаях апеллировал к Джону или Дорис. Обычно двух-трех фигуральных зуботычин в месяц хватало, чтобы удерживать этого говнюка в узде. Но все изменилось, когда он стал хозяином. Четверых развязных девиц вместо уволенных официанток, похоже, отобрали прямо с панели. Двух из них он точно пер по очереди на столе в своем кабинете.

И к нам повалила шоферня. Рыцари дальнбоя, любящие украдкой погладить бедро хохочущей потаскухи, подающей сыр с ветчиной. Не то чтобы их до этого не хватало. Но раньше кроме них попадалась и приличная публика. Ковбои на колесах питались без излишеств, не скупались на чаевые несвежим красоткам в надежде на заветный трах и в основном брали количеством. Жирдяй Тони такой расклад устраивал вполне. Кухню тоже. Однотипные заказы довели процесс приготовления до автоматизма. Самая затратная по времени часть работы состояла в разделке туш, потому что именно на этом «Берлога» недурно зарабатывала. Порционные куски, будь-то телятина или свинина, всегда стоят дороже. Но если в баре есть парень, способный правильно расписать тушу, такой бар никогда не будет внакладе. Простой повар, заказывающий вырезку для стейка, имеет одно блюдо на выходе, в то время как повар-мясник может приготовить десятки. Особо ушлые профи умеют обносить кости под ноль, включая мозг, и даже сращивать эти отходы под прессом на манер котлеты в МакДональдсе. Причем мясо остается упругим и волокнистым – носа не подточишь.

Пол такими выкрутасами не занимался. Он научил меня традиционной разделке и дал еще один козырь против Жирдяя. Как ни крути, я был ему нужен. И, несмотря на это, заграбастав бар, он словно сорвался с цепи. Придраться по качеству было не к чему. Простой ассорти-

мент, стандартный для большинства забегаловок, в конце концов, превращает любого болвана в мастера своего дела. Попробуйте приготовить тысячу стейков, и тысячу первый вы сможете сделать закрытыми глазами, с плеером в ушах. Поэтому Жирный Тони стал давить на время. Едва официантка приносила заказ, как уже через минуту он принимался горланить мое имя. Поначалу он даже пробовал висеть у меня над душой, но случайно опрокинутая кастрюля с кипятком, от которой он едва увернулся, и постоянно скользкий пол (на кухне я носил специальную резиновую обувь) убедили его оставаться в подсобке.

На смене нас было трое. Трэвис, вчерашний школьник, помогал мне куковарить. Не шибко смышленный, он отличался добросовестностью и не тормозил по пустякам. Все самое рутинное делала мексиканка лет шестидесяти, Анна. После ухода Пола я был на правах шефа. Но Жирдяй никогда не упоминал мой статус. Вместо этого он продолжал орать мое имя, доходя до истерики в часы пик. Уверен, Пол давно бы заколол эту толстую гниду, а мне приходилось собирать воедино всю свою выдержку и продолжать нарезку с каменным лицом, не отрывая глаз от доски. Как же я его ненавидел.

Наша троица превратилась в классную команду, работа кипела в руках, за что бы мы ни брались, но заслужить хотя бы похвалу так и не удалось (что уж там говорить о лишней десятке в конце недели). Мне было обидно за ребят. На выходных я лазил в интернете, пытаюсь подтянуть теорию к тому, что делал руками. Прямо из сети загружал профессиональные пособия и руководства, смотрел в YouTube технику работы с ножом. На курсы поваров у меня просто не хватало времени. Там же, в интернете, я набрел на мизонплас (miseenplace), ставшую жизненно необходимой, как только мы начали задыхаться. Оказалось, все лучшие кухни мира практикуют заготовку полуфабрикатов. И это во много раз облегчает работу смены. Нужно только выделить те составные и процессы, которые можно подготовить/осуществить заранее. Я представил, как будет брызгать слюной Жиртрест, не видя привычной запарки, и стал рыть в указанном направлении с двойным энтузиазмом.

В первую очередь, нам требовалось перераспределить обязанности. Затем выбрать день, с которого начнется новая эра на кухне. Вернее, вечер накануне дня «Д». Под градом дневных заказов у нас не было физической возможности посвятить время и силы заготовке продуктов впрок. Здесь надо было сделать ход конем, запустить маховик в понедельник вечером (бар в это время был закрыт после буйного уик-энда), чтобы уже во вторник самим оказаться на коне. Продумав все мелочи, я доходчиво объяснил своим подмастерьям смысл нововведения. И у нас получилось. Самое забавное, что Жирдяй Тони долго не мог понять, как нам удастся разгрести заказы без обычной запары. Теперь кухня работала, как часы.

Изменило ли это отношение хозяина? Стал ли он кричать меньше? Я смотрел на его красную рожу, скорченную в гневной гримасе, и ничего не слышал, как если бы кто-то оставил изображение, полностью убрав звук. Я думал: у меня университетский диплом, я столько лет преподавал в частной школе и до сих пор легко цитирую Байрона или Бодлера в оригинале. Что же стало с моей жизнью? Как меня угораздило застрять в этой дыре? В чем должна состоять вина человека, чтобы из уютного офиса в Мэдфорде (PacoRabanne, круассаны с земляничным джемом, новинки в «BookaMillion», выставки и концерты по выходным) вдруг в одночасье оказаться на заплыванной жиром кухне перед телячьей вырезкой, где патологически злобный имбицил ежедневно и ежеминутно толкает тебя к выбору между тюрьмой и инсультом.

На самом деле, вопрос был риторическим. И я, разумеется, знал ответ. Среди тысяч поездов в безнадугу в этом мире есть один сумасшедший экспресс, который за секунду гарантированно доставит вас из райского блаженства в самую задницу мира. Имя ему – любовь.

ШКОЛА МИДА

Пару фотографий в черной мантии и магистерской кэпи обошлись мне в двадцать девять тысяч долларов. По остатку. Это был далеко не самый большой долг. Многие назвали бы его приятным. Прочие университетские выпускники, оказавшись за порогом Альма Матер, задолжали Дяде Сэму пятьдесят штук и больше. Но мне все время удавалось находить подработки. Я редактировал чужие книжки, обучал языку иммигрантов и каждое лето проводил в лагерях, дрессируя детишек. Домой я приезжал только на Рождество, да и то не каждый год.

Наука давалась мне легко. Где-то с третьего курса в академической среде преподавателей нашего колледжа каким-то негласным образом сложилось твердое убеждение, что я непременно останусь для получения PhD, а там в скором времени пополню лавы профессорского состава. Увы. Они пытались увидеть меня там, где сам себя я совсем не видел. После сотен книг и пособий, наскоро проглоченных за пару лет, у меня осталась изжога. Мне нужно было передохнуть и осмотреться. Я разослал резюме в несколько школ, где требовались преподаватели английского и литературы. Школьная программа, представлялось мне, не требует особых пируэтов, и богатый «лагерный» опыт мог стать дополнительным плюсом в пользу моей кандидатуры.

Первыми откликнулись в Миде. Из комнаты университетского dormитория, не заезжая в родительские пенаты, я отправился напрямик в Мэдфорд, штат Орегон. Квартира на Роквелл авеню была равно удалена от школы и делового центра. Окна моей гостиной выходили на городской парк. Из спальни я видел свой седан, припаркованный на заднем дворе. Рента обходилась мне в 900 долларов. Дом состоял из четырех квартир. В моей ранее жила пожилая еврейская чета, затем семья мексиканцев. Последних выселили принудительно после того, как отец семейства загремел за торговлю наркотиками и был депортирован. Лэндлорд собственноручно побелил стены, поменял сантехнику и пол в ванной. Когда я впервые вошел, меня покорила роскошная кухня, залитая светом, с широкой мраморной столешницей и нежный палевый ковролин зала. Сюда требовалась пара кресел в имперском стиле. По счастью, мебельный магазин находился всего в двух кварталах, так что мне не пришлось нанимать грузовик. Кровать я купил в первый же день и по случаю обзавелся двумя стульями из массива, старого стиля, когда плотники еще не ведали, что комод можно смастерить из древесной пыли, и слово «ИКЕА» вызывало у них нелепую усмешку.

Моим соседом по этажу оказался пожилой чернокожий по имени Эндрю. Сноб и меломан. Большую часть жизни он провел в блюзовых барах Чикаго. Эндрю носил черные очки, пестрые рубахи и кожаный котелок вне зависимости от погоды, водил огромную ржавую «Импалу» и мурчал под нос бесконечные джазовые композиции. Мне повезло. Иметь в соседях музыканта – то еще счастье. Половина из них помешана на акустике, так что вам уготована участь жертвы космических децибел. Но, к моему огромному счастью, у Эндрю были наушники Stax, брендовая вещица ценой в шесть косарей. Поэтому все, что мне иногда попадало, – приглушенное мычание за стеной, когда Эндрю пытался повторить партию Роя Брауна или Элмора Джеймса. Мы не разговаривали. Он душевно снимал шляпу при встрече. Я, улыбаясь, говорил «хай».

Квартира снизу пустовала, ибо отчаянно нуждалась в ремонте. По слухам, мексиканцы пару раз устраивали потоп, и, видимо, перенервничав, бедолага снизу неудачно покурил в постели. Хотя до вызова пожарных не дошло, жалюзи в окнах первого этажа были вечно опущены, а сквозняки время от времени доносили из-под запертой двери запах гари.

Дорога от моей квартиры до работы занимала двенадцать минут. Школа Мида располагалась в юго-восточной части Мэдфорда. До того, как попасть туда, я навел кое-какие справки. Это была одна из лучших частных школ в штате Орегон и третья из самых старых. Элая

Мид, потомок того самого генерала Джорджа Гордона Мида, героя гражданской войны, основал школу в 1896 году. Здание было довольно громоздким, в лучших традициях английской архитектуры. Говорили, что в первоначальном виде оно больше походило на гарнизонную казарму. Минимум лепнины, строгость и простота. Но где-то на рубеже веков серость фасадных плит надоела очередному директору, и стены отдекорировали облицовкой из теплового привозного ракушечника. Оконные ниши освежили мраморными окладами с карнизами. Получилось весьма недурно. При последующих реконструкциях дубовые панели интерьера, вызывавшие неприятные ассоциации с английским правосудием, заменили на светло-ореховые, стены выкрасили в пастельно-бежевые тона и добавили больше ламп. Словом, приехав в Мэдфорд, я застал очаровательное строение, окруженное сочными газонами и парком, больше напоминавшим Шервудский лес. В отдельном комплексе располагались спортивные залы и бассейн, соединенный с ними крытым переходом.

Альберт Гризби, директор Уиткинса, встретил меня весьма радушно. Признаться, я был даже удивлен. Но в первые же минуты разговора выяснилось, что куратор моего дипломного проекта, профессор Уилсон, его давний друг от молодых ногтей. Не сказав мне ни слова, Уилсон позвонил в школу, а затем прислал рекомендательное письмо. Гризби говорил бархатным голосом, был могуч в плечах, носил роскошную шевелюру и пепельную бородку в испанском стиле. Он напоминал Ричарда Брэнсона. Уверен, дамы из попечительского совета таяли, встречая его взгляд, а спонсоры вносили щедрые пожертвования.

Основная ставка в школе Мида традиционно делалась на точные науки. К гуманитарным дисциплинам относились с неким снисхождением, и этим объяснялось то, что способному новичку со студенческой скамьи позволили влиться в коллектив. Я получил персональное место на преподавательской парковке, свой личный кабинет, доступ в богатейшую библиотеку впридачу к весьма пристойному жалованью и социальному пакету. О большем стыдно было бы мечтать.

В школе Мида учились отпрыски из благонадежных семей с хорошим достатком. Здесь не торговали крэком на переменах и не пользовались металлдетекторами, хотя была собственная охрана и попадавшие на каждом шагу камеры видеонаблюдения. Шансы нарваться на хамство со стороны учеников равнялись нулю. Они не называли своих одноклассников гуди-гуди за уважительное обращение с педагогами. Задолго до Гризби в школе Мида был выстроен собственный стиль общения, особый микроклимат, словно бы все в мастерской трудились над одним и тем же общим делом, не особо обращая внимание на ранги, но при этом глубоко уважая друг друга.

За шесть лет работы здесь я повидал многое. Первоклашек, облепивших любвеобильную Челси, учительницу рисования (у нас было два пьяных соития, утомительных и обоюднo ненужных), так что ее почти не было видно, и только рука в белой блузке тянула кисть к мольберту, когда она учила их рисовать натюрморт. Легендарную троицу «МэсТринити»: Майка, Билла и Джо, когда они в выпускном классе (уже основав свою ITкомпанию и зарабатывая куда больше любого педагога) яростно спорили, испещрив доску функциями и интегралами, вырывая мел друг у друга, чтобы добавить, чуть ли не на полу, еще один ряд символов, а когда абсолютно обалдевший мистер Салливан, убеленный сединами математик, попытался вклиниться, Майкл, писавший иероглифы с таким остервенением, как если бы это была его последняя молитва, за которой либо рай, либо вечные муки ада, на секунду вынырнул из огненного котла, где кипел его мозг, и, не отрываясь, бросил приглушенное:

– Сэр, умоляю вас, заткнитесь.

Что сделал Салливан? Только то, о чем его попросили.

Записки, которые принято было писать на французском до того, как в каждом классе стали изобретать свой собственный шифр.

Открытый урок с представителями Пентагона и ВМС, что-то вроде внепротокольного визита с легким патриотическим уклоном. Видно было, что милитаристская тематика почти никого не зацепила. Встреча напоминала футбол в одни ворота, публика откровенно скучала. Первые ряды прониклись не столько интересом, сколько сочувствием и необходимостью поддержать хороший тон, почти угробленный едва прикрытым игнором средних и особенно дальних рядов. Парни в черных мундирах с отменной выправкой мастерски держали удар. Когда встреча подошла к концу, Грисби по инерции спросил, есть ли у кого вопросы. Банальная концовка банального спектакля. Но тут на самом дальнем ряду поднялась рука. Рик Донован, неказистый очкарик, которого даже самые талантливые ученики считали законченным задротом, поднялся с места и спросил:

– Скажите, а чем отличается система охлаждения порционных камер SSGN типа «Огайо» от российских лодок «Антей» проект 949А?

У высокопоставленного представителя в штатском отвисла челюсть. Адмирал улыбнулся директору:

– У вас все *такие*?

Грисби настороженно обвел своих подопечных долгим взглядом.

– Нет, – ответил он, адмиралу, – Только половина. Вторая половина – ядерщики.

Помню, как третий «бета» провожал Артура Лоу. У парня была саркома. Одноклассники принесли столько игрушек, что родители не могли сдержать слез. Мальчик сидел в коляске и был радостно спокоен. Он гладил плюшевого кота, лежавшего на коленях. Думаю, он понимал, что больше сюда не вернется, но тогда его больше занимал белый полупрозрачный пакет размером с чемодан, забитый под завязку всякой всячиной. В комнате для отдыха преподавателей в тот день висела напряженная тишина. Мы предпочли отсиживаться в кабинетах, и даже вечно улыбчивый Грисби выглядел задумчиво-растерянным.

После меня в школе появились еще два педагога. Поэтому старожилы, не сговариваясь, приняли меня в свою гвардию, как сказали бы юристы, на правах младшего партнера. Я любил Мид. Это было сообщество образованных людей, всегда внимательных и остроумных, готовых к круглосуточной игре в бисер и подруниванию над собой. Нам щедро платили. Нам давали время на саморазвитие, потому что администрация желала, чтобы дети Мида получали все самое свежее и лучшее.

Там, где в других частных школах традиционно разгоняли детский мозг, как процессор, мы культивировали извилины, порождая интерес. А это непросто. Взрослых можно заинтриговать обманом. С детьми такие трюки не проходят. Дети чувствуют вас. Чтобы удивить ребенка, нужно удивляться самому, причем абсолютно искренне. Надо переживать науку заново, превращая в упоительный рассказ. Как разговор ночью вокруг костра, который ты разжиг. И вот уже утро, день, и проходит целая вечность, а у них в глазах все еще живут отблески того огня, которого больше нет. В этом весь фокус.

Ближе к тридцати годам я заработал авторитет продвинутого малого, с которым приятно иметь дело. В моей квартире появилась плазма и приличная стереосистема. Бар был заполнен дорогими напитками. Под окном стоял роскошный черный седан, не старше лет трех, как правило, японец.

Несмотря на мое подспудное желание облагородить съемные стены, некоторые из девушек, регулярно появлявшихся в моей спальне, находили холостяцкую берлогу излишне холодной и неустроенной. Видимо, возникало это от моей врожденной тяги к минимализму. Да и скромные размеры квартир в домах, построенных под ренту, не способствуют аристократическим замашкам. Но дамы настаивали. Так на подоконниках в гостевой поселились кремовые вазоны с папоротниками (Челси, 23 года, веб-дизайнер), карнизы под ольху с няшными занавесками (Мириам, 27 лет, соискательница PhD по структурной лингвистике), напольный коврик в ванной в виде двух сердец, натуральная шерсть (Ванесса, 27, библиотекарь). Коврик

пролежал почти два месяца и был испорчен бутылкой «Напа Вэлли», опрокинутой во время приема ванны при свечах с Джоан, 24 (врет, дай бог, чтобы двадцать), студенткой медицинского университета.

Были еще вязаные салфетки, этажерка для DVD, трехэтажная ваза под фрукты и прочая всячина. Каждая вторая порывалась «освежить» безупречно белые стены моей квартиры пейзажами в духе Дега, голландскими натюрмортами, а то и угловатой авангардной пестрятиной. Я не возражал. За меня это делал контракт с домовладельцем. Стены должны были оставаться неприкосновенными, и, к счастью, большинству моих пассий не хватило смекалки, которой обладала Мириам. Напомню, Мириам подарила карниз с занавесками, так вот для карниза она подыскала особые зажимы на липучках. Недюжинная смекалка для женского ума. В итоге стены не пострадали, хотя наши с ней отношения это не спасло.

Небо свидетель, я всегда старался быть честным. Да, я шел на поводу у чувств, потому что всякий раз они были так свежи и увлекательны, что кружили мне голову, и я, как сказал кто-то из великих, падал лицом в цветы. Но, очарованный вечной игрой, я видел только здесь и сейчас, и никогда не задумывался о завтра. Тем более, не обманывал и не обещал. Любил страстно, не оставляя следов. И заботился о двоих. Если меня считали галантным, то не потому, что я старался напоказ. Все эти приношения в мою пещеру я находил трогательными, ибо понимал, что таким образом каждая из них хотела разделить мой быт, получить кусочек «своего» пространства, если не в сердце, то хотя бы в том месте, где обитал человек, которого, как они пытались убедить себя, они любили.

Не моя вина, что чувства способны гаснуть так же быстро, как и зародиться. Я никогда не потакал инстинкту. В моей постели не было животных. Возможно, из-за этого я не добрал чего-то в ощущениях, но зато, выбирая умных женщин, вы страхуетесь от резаных вен, круглосуточных звонков, битых стекол и поломанной мебели. Никто не сожжет вашу машину в память о разлуке.

Любовь напоминает танец. Подход, череда обязательных фигур, несколько произвольных, финальный поклон. Глупо продолжать двигаться, когда музыка стихла. Пусть я играл, но играл честно. Если бы одной из них суждено было запасть мне в сердце, если бы сумбурное блаженство не заканчивалось одинаковой сиреневой пустотой, уверен, мы бы не расстались. Но все укладывалось в каноны жанра. И, признаться, я не особенно об этом переживал. Мы были молоды, влюблялись, поедали друг друга и, взаимно опустошенные, возвращались к обычной жизни врозь. Милые встречи, светлые расставания. И так продолжалось до тех пор, пока я не встретил Хлою.

ЛИАРЫ

В последней, четвертой по счету, квартире нашего дома, о которой я не упоминал, жила эксцентричная старая дева по имени Филис. Мы почти не пересекались, потому что Филис вела ночной образ жизни.

Иногда не важно, кем тебя считают другие. Важно, кем ты считаешь себя сам. Филис считала себя скульптором. Белые следы на полу в фойе, из-за которых она постоянно выслушивала от лэндлорда, были не героином и не мукой, а особым алебастром, который ей привозили под заказ в фургонах FedEx'a.

В одной из спален (она жила под квартирой Эндрю), как я понимал, находилась ее студия. По ночам, если очень хорошо прислушаться, буквально прижавшись ухом к ковролину, можно было разобрать бесконечную партию виолончели. Филис творила. Я представлял ее: высохший профиль в шерстяном свитере грубой вязки, некогда белом, поредевшие волосы собраны в шиньон (перекрашенный мяч от пинг-понга?) над теменем, серая пергаментная кожа лица, вечно дымящая сигарета (она курила мундштук) и увесистый кусок глины перед ней на станке, в который она запускает свои костлявые пальцы, обреченные на артрит.

Стэнтон – физик из Мида – помимо естествознания разбиравшийся в искусстве, как-то рассказал мне о Филис. Но не потому, что лучшие ее работы находились в Британском Королевском музее. Жена Стэнтона часто навещала мать, и та любила вспоминать былое, часть которого припадала на Филис, чьей закадычной подругой («пропади та пропадом») она некогда была.

Аманда (так звали мать) уверяла, что Филис провела полтора года в Дэнвере. Там она забеременела и бросила учебу. Неудачный аборт, череда любовников, претензии на богемную жизнь при минимуме таланта и почти полном отсутствии трудолюбия. Она до последнего оставалась в лагере хиппи. Уже тогда, на волне возврата к истокам, появились ее первые «лиары».

Представьте грубую каменную массу, из которой собрались лепить человеческий торс. Без рук, без ног. Просто вытянутый кусок глины, приглаженный, а позднее отшлифованный до идеально гладкого состояния. В верхней части яйцевидный отросток – это голова. Иногда с шеей, иногда без. И никаких половых признаков, которыми можно было бы увязать сии творения с богами плодородия или первобытными идолами.

Размеры скульптур варьировались от нескольких дюймов до реальных человеческих пропорций. Это было удобно. Маленькие «лиары» расходились по сувенирным лавкам. Филис называла этот размер «подножным» творчеством и считала, что разменивает себя за гроши. Она пожаловалась как-то, что после оплаты материала, налогов и почтовых расходов на пересылку ей остается 25 центов с каждого экземпляра. Можете поверить? В былые годы даже на это можно было бы неплохо жить. Когда-то ее «работы» попадались в любом салоне от западного до восточного побережья. Но в семидесятых спрос стал снижаться. В восьмидесятых он начал хиреть. В девяностых пикировать. Чтобы выжить от некогда прибыльного промысла, ей приходилось лепить в промышленных масштабах, вкладывать собственные средства, а потом ждать месяцами, пока салоны пришлют чек.

Худшее, конечно, заключалось в возвратах. Они достали до такой степени, что однажды Филис запретила приносить их домой. Вместо этого она приходила на почту раз в неделю, вскрывала и перепакывала посылки, добавляя письма, и отправляла их другим адресатам. Снова за свой счет. «Чтобы заработать на пачку сигарет, – говорила она Аманде, – я должна продать двадцать своих «малюток». Из чего становилось ясно, что прокормиться лепкой нельзя.

Филис выживала на грантах. В начале девяностых она весьма успешно кормилась от многочисленных феминистских организаций, и ее лиар размером в три фута был даже установлен

в нью-йоркской штаб квартире одной из них. Были еще ежегодные выставки типа «Женщина творит», когда их возили по Среднему Западу, поили, кормили, оплачивали отели и разрешали продавать экспонаты (с доставкой за счет покупателя после официального закрытия выставки в последнем городе программы). Потом ей пришлось продать свою «шикарную» квартиру в Филадельфии и удалиться в провинцию. Зарабатывать искусством в мегаполисах стало невозможно. Так считала Филис. Зато федеральное правительство учредило программу помощи для жителей провинции. И Филис купила фургон. Пока позволяло здоровье, она колесила с марта по октябрь по сельским ярмаркам, сбывая скульптуры и заодно, если удастся, регистрируясь локально. Имея местный адрес, она подавала заявление на помощь. Раз в год пять-семь сотен долларов с одной точки.

Ее поймали в Южной Дакоте в девяносто седьмом. Судья присудил штраф плюс полтора года условно за мошенничество. Филис отбаранивала пять лет за конвейером химзавода в Роллтоне, штат Массачусетс. Но лепить не бросила. Ухмыльнувшись при виде накатившего возраста, она приехала в Мэдфорд, сняла квартиру и оформила социальную помощь. Иногда бралась за подработки. Ей предлагали вести детский кружок, но она отказалась. Лиары пылились в витринах по всей округе, она лепила их скорее по инерции, чем рассчитывая на прибыль.

Все изменилось, когда муниципалитет Канби заказал ей скульптурную группу для городского парка. Кому-то там попала на глаза забавная фигурка, и он показал ее мэру. Проект одобрили. Конечно, для скульптур под открытым небом требовалось изменить состав материалов. Филис это удалось. Выбор мери, помимо спорных эстетических моментов, базировался на грубом экономическом расчете. Каменные памятники обходились городской казне гораздо дешевле массивных поделок из бронзы, чугуна и прочих металлов, а их сопротивляемость среде в разы превосходила любые сорта дерева. Свою роль сыграла и кандидатура автора. Изначальный список претендентов состоял из пяти фамилий. Филис в нем не было. Но когда каждый из пяти скульпторов назвал примерную сумму гонорара, чиновникам пришлось долго гладить подбородки. Вот тогда на столе мэра появился лиар.

Филис не только не входила в пантеон американского культурного Олимпа, ее вообще не было даже на предгорьях. Ни в каталогах обществ, ни в альманахах, ни в телефонных справочниках. Сотруднику мэрии пришлось созвониться с лавкой, в которой год назад была приобретена фигурка, и после долгого кряхтения хозяина удалось заполучить ее номер.

Филис взяла паузу, чтобы обдумать предложение. Но правда состояла в том, что даже за треть от предложенной суммы она готова была обставить лиарами весь Перхем и Дорсет впридачу.

Для крупных форм квартира на Роквелл Авеню решительно не годилась. Размеры дверного проема и узкий коридор могли помешать большому искусству. Поэтому, подписав контракт с мэрией на семь фигур и получив внушительный аванс, Филис сняла одно из складских помещений напротив городского кладбища, рядом с мастерской по производству надгробий. График работы остался прежним. На всякий случай она предупредила офис шерифа, что занимается творчеством по ночам, дабы избавиться от визитов патрульных. Все же колеблющийся свет в окнах (Филис работала при свечах) в окружении могильных плит, как давних, так и еще не проданных, смотрелся диковато. Если бы местной публике хватило воображения, городом поползли бы зловещие слухи о старой ведьме, которая, пользуясь силами мертвецов, ваяет белых бесформенных големов посреди могил. Но обывателям было плевать.

Через месяц после открытия обновленного парка в Канби пришли заказы из Биллингса и Эльма. Следом поступил огромный – 34 композиции – контракт с одним из национальных парков. В последнем, правда, решительно настаивали, что готовы обеспечить мастерскую на месте, а это не совсем нравилось Филис.

Газеты штата стали писать о лиарах. Национальный еженедельник «Дом и сад» опубликовал обширное интервью со скульптором, поместив несколько снимков лучших работ. Наконец,

один из ведущих эстетов рассмотрел в «танце глины» «экзистенциальную потенцию», «момент зарождения ипостаси самой в себе, когда ни одно из будущих воплощений еще не явлено миру, и все – только мятежный порыв, только импульс, только оголенная страсть жизни». Эти строки так поразили Филис, что она заучила их наизусть, попутно поражаясь глубине своей творческой концепции.

За это стоило выпить. Она накупила самого лучшего алкоголя почти на 900 долларов, блок сигарет, курицу-гриль, пару салатов и под Ростроповича пила двое суток напролет, из которых последние десять часов – в состоянии лежа. Пара дней ушла на то, чтобы прийти в себя и привести в порядок квартиру.

Оправившись, она обнаружила на автоответчике среди прочих сообщение из Вашингтона. В корпоративном отделе национального ритейлера «Эйс энд Спэйс» (16 тысяч магазинов в США и Канаде) интересовались, не задумывалась ли она о том, чтобы открыть авторскую коллекцию скульптур для частного сада. Оказалось, люди стали искать копии увиденного в парках, но не в натуральную величину, а, скажем, в масштабе один к трем, один к пяти. Такие работы весьма органично могли бы вписаться в зеленые экстерьеры, как на лужайках перед домом, так и на заднем дворе.

Филис прослушала сообщение трижды. Она сообразила, что сможет отобрать десять-двенадцать скульптур, чтобы воспроизвести их в среднем диапазоне для базовой коллекции. Плюс 5—7 новых для ежегодного пополнения. Коммерческая жилка заметно пульсировала на прикрытом пепельной прядью виске. Еще она подумала, что для промышленного литья вполне подойдут полые фигуры. Мастер-каркас можно было сделать из проволоки и ткани, протравленной эпоксидной смолой. Хотя, какое ей до этого дело? Пускай промышленники сами ломают голову. Тиражировать – их задача. А ее призвание – творчество.

И она, впервые за долгие месяцы, подняв жалюзи, отворила окно мастерской настезь, словно бы впуская в нее внешний мир, пришедший с повинной после стольких десятилетий откровенного свинства. В это мгновение она заметила, как напротив дома остановился серебристый кабриолет.

ХЛОЯ

Случайно бросив взгляд в сторону окна, я обратил внимание на двух девушек, выходящих из новенького «Мерседеса».

Одна, коротко стриженная, которая секундой ранее припарковала автомобиль, носила явно выраженный мальчиковский стиль – мешковатые джинсы, клетчатая рубашка навыпуск и кожаные сандалии на босу ногу. Даже пересекая дорогу, она не отводила глаз от планшета, вперившись в него поверх монолитно черных хьюгобосс. Ее звали Трейси. В этом угловатом сорокалетнем подростке никто из непосвященных никогда бы не узнал суперкрутого декоратора, расписанного на четыре года вперед. Собственное агентство. Филиалы в пяти штатах, а еще в Лондоне, Париже, Цюрихе и Амстердаме. Каждый третий международный фестиваль оформляли профессионалы «Капеллы». Она работала со Стингом, Кокером, Рианой, Ю2 и еще дюжиной исполнителей из первого эшелона, числилась в штатных консультантах большинства всемирноизвестных галерей, и на последней олимпиаде ее люди входили в команду организаторов.

Трейси жила в самолетах между Нью-Йорком и Лондоном. В Сиэтле у нее был дом со студией, оборудованной по последнему писку техники. Когда парижский офис вплотную занялся декорациями для французской недели мод, все шло, как по маслу. Но для коллекций третьего дня нужно было что-то необычно антропоморфное, подвижное и без яркого смыслового пятна. Трейси подвесила эту задачу на виртуальной доске своей команды с тэгом в тысячу долларов. Утром ей прислали линк. В статье говорилось о лиарах, там же присутствовали фотографии и адрес мастерской. Так возникла причина выгулять ее новый кабриолет, заодно проведав лучшую университетскую подругу.

Признаться, завидев их поначалу, я подумал о «паре». В отличие от Трейси, Хлоя была утонченно женственна. Ей было слегка за тридцать. В летней тунике, открывавшей ровный загар, и босоножках терракотного цвета, ее русые волосы, собранные в хвост, достигали пояницы. Глядя на ее роскошную фигуру, я испытал легкое волнение. И одновременно робкую грусть от того, что эта женщина никогда не станет моей. Что-то из разряда «будь счастлива, прекрасная незнакомка».

Мне тогда исполнилось двадцать восемь. Не чувствуя особого дефицита любовных отношений и уже изрядно причастившись тайны под названием «утренняя женщина» (шаг за кулисы), я начинал постигать первые ноты умиротворения, наблюдая за тем, как очередная королевская трехпалубная (90-60-90) бригантна скользит мимо на всех парусах, и радовался ее мощи и красоте, но еще больше тому, что она не влетела со всей дури в мою гавань, разстроив порт и причалы, процарапав килем кровавый рубец по дну затона и отколов целый утес моего быта на поругание медузам. Я учился благословлять проходящих. Мне казалось, это легко удалось и в случае с Хлоей. Но только потому, что тогда я не стоял рядом, не чувствовал ее дыхания и не видел спрятанных за полароидом глаз.

По большому счету, тот раз нельзя было назвать нашей встречей. Встреча произошла позже. И снова абсолютно неожиданно, но теперь уже не оставив мне ни единого шанса.

Все началось с того, что некто Чарли Кэмпбелл, ученик мэндфордской школы Святой Сесилии, стал серьезно отставать в английском. До конца семестра оставалось меньше двух месяцев. Мне позвонила его мать. Кто-то из знакомых посоветовал ей обратиться ко мне по поводу индивидуального репетиторства с сыном. Я ответил, что уже давно ничем подобным не занимаюсь. И это было чистой правдой. Мне с лихвой хватало чеков от Мида, притом я научился ценить свободное время. Но она продолжала настаивать. Потом назвала почасовую ставку, которую обещала платить. Я помедлил.

С точки зрения профессиональной этики, в частных уроках на стороне не было ничего дурного. Если только подопечный не учился в том же заведении, где учитель преподавал. Меня подкупил ее голос. Мягкий, переливчатый, местами томный. Мы договорились о встрече, и она назвала адрес.

Вечером в пятницу, пораньше разобравшись с текучкой, я пересек Абрахам Роуд и направился на северо-запад. С самого утра лил дождь. Заметно похолодало. Дворники моей «Короллы» едва справлялись с потоками воды, пока я медленно плыл по Бидл стрит, силясь отыскать нужный номер.

Дом, в котором жил младший Кэмпбелл, был старинным добротным двухэтажным особняком с мезонином и угловой башней. Припарковавшись, я поднялся по широким каменным ступеням. Но дверь открыли, прежде чем я успел дотянуться рукой до звонка.

На пороге возникла... Хлоя. В кремовой водолазке и бриджах, теперь она носила каре. Ее губы разошлись в перламутровой улыбке:

– Джонатган?

За спиной, в глубине просторного холла, плясали языки пламени, обрамленные фигурным камином. Пахло домашним теплом и лилиями, изысканной туалетной водой (Antonio Visconti, как узнал я позже) и чем-то еще. В правой руке она держала шпатель:

– Хотите блинчиков?

О да, это был запах ванили и масла.

– Чарли!

Из верхних комнат донеслось нечто невразумительное. И я вошел. Говорят, чтобы влюбиться, мужчине достаточно восьми секунд. Похоже, в тот вечер мне хватило трех. С точки зрения психологии, ее линия была безупречна. Заперев машину и пустившись трусцой по бетонной дорожке к дому, я все равно намок. Порывистый ветер прошивал мою влажную тенниску, пока я влетел на крыльцо. Я продрог. Но тут дверь открывает: а) обворожительная женщина, б) меня обдаёт ароматным теплом домашнего очага, в) она предлагает разделить с ней ужин.

И я вошел в этот дом, как уходит в религию. Все, разумеется, оставалось в рамках приличий. Мы с удовольствием поужинали. Потом я провел первый урок, не взяв денег. Парень оказался вполне смышленным. Мне удалось обнаружить основные прорехи в его знаниях, и мы условились, что будем заниматься дважды в неделю, чтобы успеть исправить ситуацию.

Нечего и говорить, что к этим занятиям я готовился с тройным прилежанием. В течение первых нескольких недель мне не попало ни одного следа Кэмпбелла старшего. Хлоя не носила кольца. Ни в гардеробной, ни в платяном шкафу рядом с детской (пусть мне простят любопытство обреченного) не было мужских вещей, и на полке над умывальником я обнаружил только две щетки. В завершении занятий мы часто болтали о разном, но при этом ни она, ни ее сын ни разу не обмолвились о муже/отце.

Я узнал, что Хлоя писала книги. Легкую романтическую прозу для подростков, больше подходившую юным девушкам. Она издавала роман каждый год. И хотя работала скорее для себя, критики отзывались о ее творчестве вполне хвалебно. Как глупо это, наверное, выглядит, резюмировала она однажды, сапожник без сапог. Имелось ввиду, что мать зарабатывала писательством в то время, как ее сын не мог справиться с проблемами по английскому. Но она призналась, что не умеет учить, а Чаку был нужен авторитет. Иначе он не стал бы и слушать.

В скором времени появились первые плоды наших занятий. Кэмпбелл младший подтянул хвосты, закрыл половину задолженностей и написал сочинение по творчеству Шекспира на твердую «Б». Хлоя шумно радовалась переменам. Между тем было заметно, что ей неловко оставаться со мной наедине. Мы оба находились в легком замешательстве и несли всякую чепуху.

Примерно через месяц со дня знакомства я, как обычно, приехал на урок. Стояла ранняя осень. Газон перед домом был присыпан первой желтой листвой, оттого что накануне

ночью неожиданно ударил мороз. Мне открыли не сразу. Хлоя выглядела уставшей. Я заметил необычные тени и легкую припухлость под глазами. Было похоже, что, прежде чем впустить меня, она наскоро избавилась от следов, оставленных недавними слезами.

– Что-то случилось?

Она не ответила. Вместо этого она взяла мою руку и повела за собой. На столе в библиотеке стояла открытая бутылка «Opus One» и два чистых бокала. Она обернулась, чтобы закрыть дверь. Я порывисто обнял ее. Наши губы мгновенно нашли друг друга.

Затем все произошло слишком стремительно, впопыхах, с оторванными пуговицами, наспех разбросанной одеждой. Кожаное кресло оказалось слишком мало для двоих. Мне пришлось двигаться в акробатической позе, напрягая мышцы спины и ног на грани вывиха. Она выгибалась, еле слышно постанывая. Голова ее была запрокинута, глаза прикрыты. Когда я, обессилев, сполз на пол, тяжело дыша, но все еще покрывая поцелуями ее бедро, она закрыла лицо рукой и залилась тихим смехом. Радостный перелив. Я сидел у ее ног с абсолютно идиотским выражением на лице, чувствуя ворс персидского ковра голой задницей. Наверное, у меня была довольная улыбка землекопа, который шесть недель рыл колодец, пока наконец добрался до воды, вдоволь напился и уже даже блаженно отлил. Но ее смешило другое.

Потом она не раз вспоминала мне, с каким зверским выражением лица я рвал зубами упаковку презерватива.

– Просто боялся отпустить тебя, – пытался оправдываться я. – Как еще можно открыть ее одной рукой?

Но она продолжала хохотать, говоря, что в тот момент я был похож на какого-то безумного санитаря, который нагнулся на поле боя над упавшим бойцом и вскрывает перевязочный бинт, сжав челюсти, одним могучим рывком шеи. Я не спорил. Мы оба смеялись.

– Боец и вправду истекал, – успевал заметить я приглушенным тоном и потупившись, прежде чем подушка, тетрадь или пустая бутылка от кока-колы шумно опускалась на мой череп.

К вину в тот вечер мы так и не притронулись. Я был за рулем, кроме того, с минуты на минуту должен был вернуться Чак, которого она отослала проведать друга, и в моих интересах было отправиться восвояси до его возвращения.

– А что ты ему сказала? – поинтересовался я.

– Сказала, что ты отменил урок.

– Лгунья.

– Еще какая!

И она закрыла за мной двери.

Я брел к машине, чувствуя, что она смотрит мне вслед. Как обычно бывает в подобных ситуациях, мне хотелось петь, бежать и прыгать, мое сердце разрывалось от счастья. Но я изображал безмятежность, словно играл на камеру, и только мурлыкал под нос что-то из репертуара Синатры.

Следующим утром, едва в голове прояснилось, мне стала ясна щекотливость положения, в котором я оказался. Бросить уроки с Чаком я не мог. Парень делал очевидные успехи, но он нуждался в моей поддержке. Оставить его на половине пути означало откровенно предать. Кто знает, как поведет он себя, если возникнут трудности. В конце концов, я был нанят на весь семестр, а значит, был обязан продолжать занятия. Вот только брать плату за них стало невозможно.

И дело было не в деньгах как таковых (видит Бог, я сам готов был платить, только чтобы бывать в этом доме и видеться с Хлоей), никакой финансовой погоды для меня они не делали. Пару лишних книг, купленных в Borders, пару обедов в Olive Garden или еще одна бутылка дорого вина в мою коллекцию. Если отбросить все подобающие в подобных случаях количества, реверансы и па-де-де приличий, вопрос звучал так: как можно брать деньги у любимой

женщины (или еще точнее, если уж совсем без сантиментов, физиологически строго – у женщины, с которой спишь)? Ответ очевиден. Однако от этого не легче, ибо дьявол, как известно, в деталях. Если возникнет необходимость объясниться, как это объяснить? Ты отказываешься от оплаты, потому что со вчерашнего вечера жизнь перевела вас на бартер? Получается, с твоей стороны очевидная услуга, а как расплачивается она? Позволяет побыть в себе? Выходит, ты занимаешься с ее сыном, потому что она спит с тобой? И ведь ясно, что это бред. Но здесь все зависит не от того, что думаешь ты, а как к этому отнесется *она*. Как *она* воспримет твое джентльменство.

В такой ситуации я оказался впервые. До встречи с Хлоей все было ясно. Я ничего не делил с моими девушками, все строилось на игре чувств и ею же ограничивалось. Никто ничего никому не оставался должен в итоге. Хлоя была иной. Она первая из моих женщин была старше меня. Ее сексуальность не ограничивалась физиологией, а начиналась гораздо глубже и вела в неизвестность. Я боялся оборвать нить, которую только что нащупал. Меня тянуло к ней.

Мы стали встречаться чаще. Дома я успешно репетиторствовал с Чаком, а на выходных подбирал ее в каком-нибудь шпионском кафе (всякий раз она выбирала их сама), и мы отправлялись загород. Любовь на колесах, которая вполне устраивала моих бывших, Хлоя не приличествовала по определению. Все равно, что пригласить герцогиню в МакДональдс. Ей нужен был хотя бы минимальный набор комфорта в виде хлопковых полотенец и горячей воды. Пожертвовать этим она могла разве что в обмен на буколический ужин (салат из королевских креветок, домашний пошехонский сыр, французский батон, бутылка «Spring Mountain» или «Chateau Montelena» трехлетней выдержки) на лесной опушке, в тени столетнего дуба, растущего на вершине холма, с которого открывается панорамный вид, напоминающий долины Калабрии.

Я заранее разузнал адреса пригородных отелей, где можно было уединиться в уютной атмосфере без пятен на обоях, битых раковин и матрасных клещей. Ездить ко мне она отказывалась. Я находил это нормальным. Женщинам нравятся тайны, а некоторые их просто обожают.

Поначалу мне казалось, что игра в любовников добавляет нашим отношениям какой-то особой страсти и прелести. Однако позже я начал подозревать, что за конспиративными встречами скрывалось нечто большее. И тому были причины. На мой вопрос в самом начале наших отношений она прямо ответила, что давно разведена. Но я не мог не заметить, что она избегает встреч в людных местах. Мы не ходили в кино, не посещали концертов вместе и не бывали с ней в ресторанах. Она никогда не представляла меня своим подругам, хотя любила потрещать с ними о своем, о женском.

Мой статус для Чака остался прежним. Если взглянуть со стороны, можно было бы увидеть, что в ее жизни мне отвели особое место и время, вполне комфортное для меня, но без надежды хотя бы заглянуть за соседние перегородки. Так в особо строгих семьях приучают щенка не выходить за пределы холла. Случайному любовнику этого хватает.

Но для того, кто имел неосторожность «вклеиться» по-настоящему, циновки в прихожей уже недостаточно.

ЯЧЕЙКА СОРОК СЕМЬ

Где-то в середине ноября, когда после уроков я открыл дверцу своего автомобиля, меня окликнули.

Справа на учительской парковке через машину от моей стоял черный Land Cruiser. Окно со стороны водителя было опущено. На меня смотрел худощавый, почти лысый мужчина лет пятидесяти. В левой руке между татуировкой и массивным золотым перстнем он держал сигарету.

– Можно вас на секунду?

Он радушно улыбнулся. Но улыбка показалась мне фальшивой. Его рот исполнял сольную партию, а немигающие глаза по-прежнему буравили холодом. От такой улыбки бывает не по себе.

– Да, сказал я, конечно.

И, бросив кейс на заднее сиденье, прикрыл дверцу, так и не запустив двигатель.

– Я отец Чака, – пояснил он, пока я брел к его автомобилю. – Чака Кэмпбелла.

Не могу сказать, что эта новость обрадовала меня, но и особого волнения я тоже не испытал. Он услужливо распахнул дверь. Взобравшись на пассажирское сиденье, обшитое черной кожей, я заметил, что интерьер он держал в идеальном состоянии. Торпеда была образцово отполирована, хромированные детали играли гляncем, всюду, куда ни кинешь взгляд, главенствовала чистота и аккуратность. Создавалось впечатление, будто машину только что выгнали из салона. Он избавился от сигареты и протянул мне ладонь:

– Генри.

Пришлось пожать длинные холодные пальцы.

– Рад познакомиться, – соврал я, ответив стандартной двухсекундной улыбкой.

На что он иронично повернул голову и произнес с сарказмом или даже издевкой:

– Не думаю. Уж радости я вам точно не доставлю.

Это был неожиданный поворот. До этой фразы какая-то часть меня еще надеялась, что все обойдется. Разговор вполне мог лечь в безопасное русло, к примеру, об успехах сына в английском, после того как с ним стали заниматься индивидуально. Но я ошибся. Черная рубашка от Carden была расстегнута на две верхних пуговицы, подчеркивая мощную шею с выдающимся кадыком (таких называют «долговязый») и фрагмент седых волос на груди. От него пахло хорошим табаком и дорогим одеколоном. Черные джинсы, темные мокасины на ногах. Ни дать ни взять, похоронный агент.

Из стереодинамиков доносилось приглушенное гитарное арпеджио Uriah Heep. Он ткнул пальцем в кнопку на торпеде, музыка прекратилась.

– Давайте начистоту, док, – сказал он, повернувшись ко мне и глядя в глаза.

Улыбки на его лице и след простыл. Одна рука при этом легла на руль, вторую он завел за мой подголовник. Лицо его оказалось ближе ко мне, чем ожидалось, словом, он влез в мою зону комфорта.

Хлоя – удивительная женщина. Вы это знаете. Мы познакомились, когда ей было семнадцать. В двадцать она стала моей женой. Мы венчались, если вам это о чем-то говорит. Потом родился Чак. В том, что произошло дальше, был виновен я и только я. Ей не нравилось то, чем я занимался, хотя она и знала-то десятую часть. Впрочем, она добилась развода. Я оставил ей все. Но, чтобы ни писали там в бумажках, и как бы ни складывалась жизнь, это моя женщина и мой сын. Где бы они ни были, я всегда буду рядом. И Хлоя знает об этом. Я хоронил ее отца. Я забочусь о том, чтобы они ни в чем не нуждались. Вы видели дом. Вы же не думаете, что на алименты можно жить так, как они живут?

Он вопросительно, с оттенком цинизма, сузил глаза.

– А зачем вы все это мне говорите? – произнес я, выдержав его взгляд.

– Я *говорю* с вами, потому что вы умный, образованный человек.

Он сказал это с абсолютно каменным лицом.

– Тем, кто был до вас, а их было немало, уж поверьте мне, повезло гораздо меньше. Я не виню Хлою. Она молода. Она красива. Она может увлекаться. Беда в том, что она не рассказывает о том, о чем требовалось бы. Иначе желающих бросаться в омут с головой было бы гораздо меньше. Понимаете?

Он перевел взгляд на огненные ветви кленов за лобовым стеклом, помолчал.

– Вот представьте, что вы пишете фамильную сагу. Долго, кропотливо, год за годом. И всякий раз попадаются придурки, которые лезут в вашу канву со своими анекдотами.

Он страдальчески ухмыльнулся.

– Ей-богу, впору отстреливать.

Он лизнул палец, чтобы снять ворсинку с рукава рубахи. Затем снова посмотрел на меня:

– Я не знаю, что она там вам наговорила, но теперь вы видите, как обстоят дела на самом деле. И сделаете правильный вывод. Здесь – он снял и протянул мне конверт, который все это время выглядывал из-за противосолнечного козырька, прижатый к велюру – плата за труды. А еще ключ от камеры хранения, на тот случай, если вы не поверите.

Я отвернул клапан конверта. Внутри лежал чек (лицом вниз, так что суммы я не видел) и небольшой алюминиевый ключ с картонной биркой. Порошка не наблюдалось.

Тем временем он водрузил на нос солнечные очки.

– Контора называется «Американ Сторидж». В самом конце Огайо Драйв. Номер – на тэге. Если выпадет свободная минута, поезжайте. Вам понравится.

И он утопил кнопку на руле, включив двигатель. Показывая тем самым, что разговор окончен.

Я выбрался наружу, не проронив ни слова. В самый последний момент он поймал рукав моей куртки и придержал его. Не очень вежливо. Я мог бы запросто освободиться. Но помедлил.

– И еще, – сказал он мне в затылок тоном из рубрики «заруби себе на носу». – Этого разговора не было. Не просто не было, но и никогда не будет. Я хочу, чтобы ты понимал (уПС, вот так мы и перешли на «ты»), сейчас ты закроешь дверь и все, что произойдет дальше, будет зависеть только от тебя. Слышишь? Больше никаких черновиков. Ты живешь набело. Облажаешься – никто тебе не поможет.

На меня был наставлен бледный череп с лицом, перекошенным гневом, который до сих пор ему удавалось скрыть. Потом он разжал пальцы, захлопнул дверь. Я стоял на парковке с конвертом в руках, пока он сдавал назад, преградив мне путь к автомобилю. Выровняв колеса, он притормозил:

– Док!

На лице снова была фальшивая улыбка.

– Спасибо за Чака!

Двумя пальцами левой руки он отсалютовал мне на армейский манер и утопил педаль газа. Джип сорвался с места, взвизгнув на повороте.

Стив, преподаватель химии, появившийся на парковке, обернулся на звук, затем вопросительно взглянул на меня. Я скорчил гримасу недоумения. Дескать, дураков хватает. Причем самые отъявленные из них иногда без спроса паркуются на учительском месте. И как ни в чем не бывало, вернулись к машине.

Меня бил озноб. Я здорово перенервничал. Минут десять просто сидел, тупо глядя перед собой. Основа любого стресса – неожиданность. Я не был готов к этому разговору. Не то, чтобы испугался, но ему удалось застать меня врасплох.

Скорее, чисто механически, чем из интереса, я перевернул конверт и вытряхнул его содержимое на колени. Чек в пять тысяч долларов был выписан на мое имя Генри Кэмпбеллом, «Грэйт Вэстерн Бэнк». Ух ты! Теперь мне придется ходить к Чаку еще полгода, чтобы отработать такую уйму денег. Или заниматься с ним две недели по двадцать четыре часа в сутки, пока окончательно не затрахую его мозг, а заодно его мамашу. Ха!

Да, я был отчасти зол на Хлою, потому что считал, что мы были в достаточно близких отношениях для посвящения в подобные «фамильные» секреты. Хотя, с какой стати я должен верить его словам? У него явная паранойя. Комплекс брошенного мужа, который с годами разросся до маниакального убеждения, что его бывшая жена должна навечно принадлежать ему и только ему. Прямо патриархальный деспот. Автор фамильной саги. Ладно, писатель, посмотрим что еще ты сочинил.

Успокоившись, я наконец-то завел машину и отправился искать Огайо Драйв. Все равно ни о чем другом думать не получалось.

Место оказалось отдаленным и достаточно глухим. Сначала я долго плыл по околице, дома попадались все реже, потом справа показался заброшенный кирпичный завод. Древний мост, перекинутый над бывшим карьером, ржавел всеми цветами радуги. Начало смеркаться. Когда мои фары уперлись в цинковый щит «Американ Сторидж», была четверть шестого. Дорогу между ангарами (я насчитал восемь штук) посыпали крупным гравием.

Бокс, ключ от которого лежал на сидении рядом со мной, располагался в шестом. Перед тем, как остановиться у ворот, я круто вывернул руль влево, перегородив проезд. Иных машин поблизости не наблюдалось, и в узком коридоре между ангаром и каймой поля это была единственная возможность осветить то, что ожидало меня внутри в наступающих сумерках.

Я вышел из машины, не выключая фар. Перед железной гармошкой на секунду задумался. Стоит ли открывать? Там, по ту сторону жалюзи, могло быть все, что угодно. Фунт героина с моим именем на бумажном пакете, перехваченном клейкой лентой (как только я коснусь этого свертка, врубят свет, и с неба посыпятся агенты АНБ). А может, заспиртованные головы всех «придурков с анекдотами», как он их называл. В индивидуальных колбах на полу, прикрытые серой мешковиной от посторонних глаз. Или всего один, которого пытали, привязав к стулу посреди бокса, а потом перерезали горло кухонным ножом. Тем самым, который недавно куда-то запропастился вместе с моими отпечатками на рукояти. Причем тут же выясняется: бокс был снят на мое имя пару месяцев назад. От старшего Кэмпбелла можно было ожидать, чего угодно.

Осознавая, что могу подставиться, я все же решил идти до конца. Победило любопытство. Плевый замок (баксов 7—8 в любом «Уолмарте») немного заржавел. Я слегка помучился, пытаясь расшевелить его внутренности ритмичными поворотами влево-вправо. Когда он сдался, я подцепил нижнюю скобу гармошки и потащил ее вверх. К счастью, барабан наверху (мне приходилось видать эту древнюю штуку ранее) оказался в порядке. Получив импульс, дверь дальше пошла сама, сматываясь со скрипом. И через секунду я увидел бокс, засыпанный под завязку.

Это было настоящее кладбище. Кладбище книг, сваленных как попало, скопом. Я увидел стопки с одинаковым корешком в типографской перевязи. Их даже не распечатали. Я поднял одну и смахнул пыль. На добротной тканевой обложке была нарисована девочка на велосипеде с привязанным к рулю розовым воздушным шаром. «Волшебное лето», прочитал я вслух. Хлоя Кэмпбелл. С обложки соседней книги мне улыбалась такая же девочка, только все еще в пыли. И с другой, и с третьей, и с десятой. Стоило взглянуть на дату выпуска, на тираж, чтобы понять: здесь похоронено все или почти все.

Но насыпь не была однородной. Скорее, она состояла из двух могил. Подальше, в глубине бокса, ближе к стене, фары вырвали из тьмы цветное припорошенное пылью некогда глянцево-пятно. И еще пару таких во всевозможных ракурсах валялись вокруг. Я не стал лезть за ними.

Было ясно, что там, подальше, выгрузили первую партию, старую, быть может, прошлогоднюю. А здесь, ближе к выходу, насыпь посвежее. Именно насыпь. Разгружая вручную, трудно сотворить подобный хаос. Видимо, сюда подогнали грузовик и высыпали тираж, опрокинув кузов. Потом грейдером задвинули его подальше, освободив место для следующего завоза.

Я достал сигарету. Потревоженная светом фар, на вершине книжного кургана показалась одинокая мышь. Втянула вечерний воздух и пропала. Этой «библиотеке» не хватало хотя бы одной закладки. Я взял ближайший том, вытащил из внутреннего кармана конверт с чеком Кэмпбелла и, воткнув между страниц, оставил книгу на видном месте.

Мне вспомнился лысый череп, злые глаза, вперившиеся в меня поверх очков. Я выпустил струю дыма ему в лицо, мысленно добавив: f*ck you.

APPASSIANATO, APIACERE

В ближайший уик-энд мы, как обычно, отправились загород.

Она сидела рядом со мной, взбалмошная, в цветастом платье и платке, который гармонировал с ее солнечными очками, но все же более подходил для прогулок в кабриолете. Маскировка, подумалось мне. Она рассказывала, как выручала утром соседского кота, застрявшего в заборе на заднем дворе. Жестикулировала и смеялась. Мы почти проехали всю Вебстер стрит. Но перед 16 улицей я вдруг перестроился и погнал назад. Хлоя, непонимая, смолкла.

– Что-то случилось? – спросила она. – Мы что-то забыли?

Я взглянул на нее с улыбкой, которая больше напоминала издевку. И ничего не ответил. По Buzz FM передавали «Walking on Broken Glass» Энни Ленокс, вещь, которую она любила. Я сделал погромче. Потом ей позвонил кто-то из подруг и очень меня выручил минут на пять, избавив от объяснений. Она опомнилась, только когда я припарковал машину на Роквелл авеню.

– Приехали, сказал я.

Она вышла и огляделась по сторонам.

– Я, кажется, была в этом доме, – неуверенно произнесла она.

– Правда?

Я изобразил удивление:

– Ну, пошли.

И я взял ее за руку и повел мимо студии Филис на второй этаж, так же, как несколько месяцев назад она вела меня в библиотеку дома, который купил ей Генри Кэмпбелл.

Едва мы вошли, я поволок ее в спальню. По дороге, взвигнув, она едва не сломала каблук. Я даже не дал ей раздеться. Толкнул на кровать. Задрав платье, я стянул с нее трусики, припустил свои джинсы и первый раз засандалил без всякий прелюдий. Она лежала на животе, впившись розовыми ногтями в мою постель. Я наяривал, придавив ее сзади. Она стонала. Я ускорился. Под напористым действием моих толчков матрас стал наползать вперед, и ее голова начала стучать о спинку кровати. Мне было плевать. Ей тоже. В последний момент я едва не опоздал, но все уже успел выйти и забрызгал ей вырез на спине до самых волос.

– Что это было? – промурлыкала она.

Единственная туфля, наконец соскользнула с ее ступни на ковролин. Я потянулся к тумбе и надергал пару клинкетов из коробки, стоявшей у изголовья. Наконец, смахнув рукавом блейзера пот со лба, я ответил:

– Гайдн, сюита ля бемоль, часть первая.

Так и не повернувшись, она спросила:

– А сколько всего там частей?

– Три, – сказал я. – А может, четыре. Не помню. Поживем – увидим.

Нужно было вернуться к машине за продуктами. Я натянул джинсы и оставил ее в спальне одну. К счастью, по дороге никто из соседей мне не попался, вид у меня был ошалелый, как после дури. Отголоски студенческой поры.

Пару часов назад мы собирались на пикник в мотеле. Согласен, корявое выражение. Хотя, по сути, все то же самое, только внутри, а не снаружи. Как еще это назовешь? Мотник? Или пиктель? Два стандартных пакета из «Хай-Ви» уже никак не похожи на виноградные корзины, в которых томились фрукты и ветчина на опушке Булонского леса. Пусть их. Меньше романтики, но голод и молодость те же.

Когда я вернулся, она успела оправиться и сидела в кресле гостиной. Видимо, перед этим, бросив взгляд в зеркало, она поняла, что прическу после моей внезапной атаки уже не спасти. И довершила урон, расправив волосы.

– Значит, – сказала она, загадочно оглядываясь по сторонам, – здесь ты живешь.

Я опустил пакеты на мраморную столешницу:

– Как ты догадалась?

Она хмыкнула, улыбнувшись:

– Мило.

Я ничего не ответил, потому что жирный соус для монгольского бифа с грибами и луком предательски протек из картонной коробки. Бог с ним, с рисом, но он попутно залил десертные булочки и даже блестел на упаковке заветных китайских печений. Что теперь будет с желани-ями? – подумалось мне.

Пока я накрывал на стол, она по-хозяйски прошлась от ванной комнаты до спальни, задержалась в гостиной, рассматривая надписи на CD дисках из моей коллекции.

– Ты слушаешь Скрябина? – донеслось из комнаты.

Я перелил соус в пиалу, чтобы немного подогреть в микроволновке. Рис был еще теплым. Но лучше было разложить его по порциям, избавившись тем самым от запачканного картона.

– Я слушаю все, – крикнул я, – но под настроение.

Потом добавил пару вилок (мы обходились без палочек принципиально), ложку для соуса, салфетки. И зажег большую восковую свечу в центре подноса.

Когда я медленно вплыл, она восхищенно причмокнула.

– Что будешь пить?

На улице уже горели фонари. Я опустил жалюзи по дороге к бару. За волшебной полукруглой дверцей в свете вмонтированных ламп и зеркал красовалась золотая мечта любого университетского алкоголика. Остановились на Odette Estate урожая позапрошлого года. Потом мы сели друг напротив друга. Я разлил вино. В колеблющемся пламени свечи она была особенно прекрасна. Рис (оба вида) пошел на ура в комбинации с фруктовым салатом. Бифф был просто восхитителен. Сладкий зеленый перец добавлял ему особой пикантности. Но креветки... Креветки способны творить чудеса. Я понял это, когда, поцеловав ее долго и страстно, не отпуская, оторвал от стула и перенес на софу.

Мы боролись за право первой скрипки. Она была слишком настойчива, и я уступил. Она брала реванш. Грубо, без сантиментов, отдавшись чистой механике. Скачками это не назовешь, скорее, верховой прогулкой. На скачках лошадь летит галопом, и всадник почти не касается седла, а вот если пустить ее рысью, тогда при правильной посадке наездница выполняет ритмичные движения тазом. Нечто подобное проделывала и Хлоя. Она не спешила, чтобы не сбить шаг. Мы прогулялись примерно до северных околиц и финишировали одновременно.

Лежа на кровати, она стала вслепую шарить рукой в сумке:

– Надо позвонить Чаку.

– Отдышись, сказал я. – И потом не факт, что ты попадешь домой *сегодня*.

Мы вспомнили при десерт. Я поставил блюзовые композиции, негромко, но уверен, что Эндрю за стеной одобрил бы мой выбор. Она стала кружиться в такт. Обнаженная и взъерошенная. Я удалился в ванную. Вернувшись, присоединился к ней. Мы танцевали голышом, прижимаясь друг к другу. Мы пили вино.

Она рассказывала, как Трейси привезла ее с собой к Филлис.

– Она позволила вам войти? – удивился я.

– Да, и даже провела экскурсию. – Трейси хотела увидеть все, что у нее было.

– И как, – спросил я, – было что посмотреть?

– О, там полно скульптур. Все стены в сплошных полках и все заставлено. Она разрешила фотографировать. И вообще оказалась вполне милой бабушкой. Правда ей, по-моему, нездоровилось. Выглядела она как-то неважно. Ну и в квартире – сам понимаешь, творческий беспорядок.

– Ну да, кивнул я. – А чего же ты не поднялась?

– Куда? К тебе? – она улыбнулась, прищурившись. – К абсолютно незнакомому мужчине?
– А что, – парировал я, – могла бы эдак запросто, по-соседки. Прийти и трахнуть. И, кстати, Трэйси с собой захватить.

Она впилась зубами в мою дельту, прежде чем я успел договорить:

– Засранец!

Потом обняла меня посильнее, и мы медленно двигались, подпевая Джонни Винтеру. Она опустилась на стул и демонстративно запрокинула голову. Поднесла бокал к губам. Сделала глоток, затем второй. Красная струйка тонкой линией побежала с подбородка по ложбинке между грудей и стала спускаться к пупку. Я понял, куда она клонит, но у меня был свой интерес. Спешить не хотелось. Я подождал, пока она пустит по руслу еще немного. Потом приник, стоя на коленях и стал поедать вино с самого низа, начиная у обшивки стула.

Пить она больше не могла. Мы сползли на ковролин. Мадди Уоттерс затынул «Who Do You Trust», но голос повис где-то под потолком. А внизу мы увлеклись другой музыкой, то сливаясь в унисон, то разбредаясь по своим партитурам, гармонично и вразнобой, поддерживая партнера, чтобы позабыть о нем в следующее мгновение. Мы сбивались с ритма, возвращались к репризам, гнали по нотам наперегонки и дразнили друг друга, импровизируя. Чувствуя близость развязки, я перевел тему в верхний регистр. Круглый прикроватный светильник был выключен, однако свет с улицы, проскользнув в щель между жалюзи и стеной, зацепил его по касательной.

Мне почему-то вспомнился череп Кэмпбелла. Глупо, неожиданно и совсем не к месту. В уме вспыхнула картинка: он сидит здесь в кресле голый, в ее бюстгальтере, крошечный член заперт в пластиковый чехол. Он плачет, он закрывает глаза руками, чтобы не видеть нашего совокупления. И я взорвался. Финальное крещендо повергло все впрах. Только выжившие литавры пульсировали в мозгу несколько последних тактов, перед тем как стихнуть.

Мы очнулись, лежа на спине, почти под столом. Наверное, так же снизу выглядит концертный рояль. Часы показывали половину второго. Город спал. По низу тянуло холодом, и мы кряхтя, как пенсионеры, наконец-то перебрались в спальню. Она попыталась заснуть. Я лежал на боку рядом, глядя ее волосы.

Давно нужно было купить кинг сайз, потому что для двоих это ложе было узковато. С другой стороны, дополнительная ширина требовалось не часто, но вполне ощутимо съела бы простор и уют. Женщины редко ночевали в моей пещере. Если это случалось летом, я предпочитал досыпать на софе в гостиной, потеть легче порознь.

Где-то в начале пятого, прикоснувшись к ее бедру, одинокий трубач внезапно вернулся к жизни. Она почувствовала это одновременно со мной. Улыбнулась, проверила упругость. Я прошептал ей на ухо пару скабранных глупостей. Она потащила меня к себе и направила под одеялом. Но мы так и не спелись. Было слишком поздно или, скорее, рано. Этот марафон начисто меня измотал, и маэстро сник посредине увертюры. Я отполз восвояси. Она понимающе улыбнулась, не открывая глаз.

– В этом месте, – сказал я, – композитор выронил перо.

Обнял ее и замертво провалился в пушистые объятия сна.

В тот день мы проспали почти до полудня. Я проснулся от того, что в коридоре натужно ревел пылесос. Хлои рядом не было, но я заметил ее сумку на софе в гостиной. В ванной шумела вода. Вот она, великая прелесть субботы, подумалось мне. Ты можешь валяться, сколько угодно. Я стал прикидывать в уме, что у нас есть на завтрак. Но она вышла из ванной при полном параде – одетой и в косметике, свежая, отдохнувшая и готовая разить наповал. Завтракать она отказалась. Мне пришлось спешно принимать душ, чтобы одеться и отвезти ее домой. После чашки кофе (она только пригубила) мы вышли через черный ход на парковку. Я вел машину, не снимая руки с ее колена. По дороге мы болтали о пустяках.

Почти в самом конце поездки, уже на Бидл стрит, она сказала, что во мне как будто проснулся звереныш. Этой ночью, призналась она, я словно узнала тебя с другой стороны. Мы улыбнулись друг другу с нежностью. Я-то понимал, что той ночью с другой стороны мы познали Генри Кэмпбелла.

ВООРУЖЕН И ОПАСЕН

О чем действительно стоило позаботиться, так это о посещении «Смит и Генри». В доме, где я вырос, никогда не было оружия. Более того, в среде, к которой принадлежали мои предки, хранение оружия считалось колониальным пережитком. Спокойный район, образованные соседи. Если кому-то доставались в наследство коллекционные ружья, их скорее продавали или прятали под замок. Аркебузы на стене пахивали китчем. Мои родители полагали, что пистолет в кладовке, рядом с коробками от обуви, способен принести больше вреда, чем пользы. Их уверенность подпитывало ТВ регулярными репортажами о том, как малыши нашли кольт, пока родителей не было дома, о школьниках, устроивших вендетту. Журналы приводили тревожную статистику самоубийств в результате затяжной депрессии среди образованных людей старше сорока.

Но мой дед по маминой линии был родом из Форт Логана. И он плевать хотел на то, что думали люди южнее Лейквью. Когда мне было двенадцать, и мы с сестрой по привычке проводили июль на ферме в Монтане, он научил меня стрелять.

Вместо мишеней мы использовали старые масляные фильтры. Оранжевые, их было хорошо видно на фоне зелени холма, а подставкой служила толстая дубовая жердь ограды. У деда было двадцать семь стволов. От старых «Смит и Вессонов» до армейской Ф16. Больше других мне нравился Veretta, модель 92. Увесистый, с мягким спуском, минимальной отдачей и хорошим боем. Я любил чувствовать в руке его холод.

В день моего совершеннолетия дед протянул мне традиционный конверт и подмигнул, как старый заговорщик, убедившись, что родители этого не увидят. Намека я не понял. Через день, уже вернувшись на ферму, он позвонил мне.

– Ты помнишь «Крестный отец», вторую часть? – спросил он.

Я сказал:

– Да, помню.

Тогда он нарочито понизил голос:

– Посмотри за бочком.

И повесил трубку. Отправившись в ванную, я нашел тряпичный сверток, втиснутый там, где он сказал. Внутри лежал мой любимый пистолет. На рукояти было выгравировано «Дорогому Джонаттану в день совершеннолетия от Джозефа МакГоверна на долгую память». Перед тем, как отправиться в колледж, я закопал его ночью в футляре и прорезиненном пакете под яблоней на заднем дворе. Там он и поныне. Однако до Рождества оставалось больше месяца, а ствол был нужен уже.

Я потратил около часа на то, чтобы узнать о порядке оформления и пробежаться по ассортименту. Более других мне понравился Ruger LC9s калибра 9 мм. Небольшой, такой легко спрятать в кармане. Система двойного предохранителя. Приличная скорость. Хорошая останавливающая сила. Надежная вещица для ближнего боя. Единственный минус (как сказал мне продавец) – «очень бьет по ушам». Хотя в моем случае, когда нужно отпугнуть идиота, громкость скорее плюс.

Я не рисовался. Не пробовал выглядеть крутым. Для того, чтобы выяснить отношения с адекватным человеком, как правило, всегда хватает языка. Кэмпбелл с его гангстерскими атрибутами и манией псевдослужителя к таковым не относился. Наше знакомство закончилось откровенной угрозой. Угрозой, на которую я честно и добросовестно положил. Не только из-за любви к Хлое, но еще и потому, что, как взрослый мальчик, не терплю чужих дядь, которые указывают, что мне делать. Кстати, по той же причине никогда не хожу на выборы.

За годы преподавания в Миде мне удалось кое-что скопить. Долг за колледж давно был погашен. Я не тратился на дорогие шмотки, никогда не бывал в казино, а отпуск проводил

с семьей или друзьями в Калифорнии. При таком образе жизни банковский счет приятно набухает месяц за месяцем. Я стал обращать повышенное внимание на особняки, мимо которых все это время проезжал абсолютно беззаботно. Гостиная вдруг оказывалась узковата для еще одного кресла или компьютерного стола. Когда лэндлорд решил все-таки приступить к ремонту обгоревшей квартиры, и каждое утро в восемь ноль-ноль под моим полом разверзлся ад в виде воющих пил, бесконечного стука молотков в сопровождении веселых мексиканских песен, я понял, что медлить не стоит. Суммы, скопившейся на счету, было недостаточно на покупку дома, но зато я мог внести больше половины его стоимости в качестве первого платежа. Любой банк счел бы меня надежным клиентом.

Здесь были еще свои нюансы, о которых я слышал вскользь из разговоров коллег. Можно было найти золотой баланс между уровнем предоплаты и процентами по кредиту при том, что банки соревновались наперегонки. Но влазить в эти дебри я не спешил.

– Мне нужна твоя помощь, – сказал я Хлое при случае.

Пришлось наплести что-то про мой вкус. На самом деле, мне хотелось, чтобы дом, в первую очередь, нравился ей. Мы стали обсуждать детали вроде района, количества этажей, размеров сада. Узнав, что я ищу дом с тремя спальнями, она внимательно взглянула на меня, но ничего не сказала. Я заметил хорошо и глубоко спрятанную улыбку.

С этого момента на выходных мы стали устраивать туры по открытым домам в округе. Страницы, которые я пропускал, получая по пятницам еженедельную «толстушку», теперь пристально мною вычитывались. И для интересных предложений я даже завел жирный маркер цвета ультрафиолет. Мы обменивались свежими ссылками. Обсуждали новые варианты. Поиск дома стал нашим общим делом, требовавшим гораздо больше общения.

Забавнее всего было то, что риэлторы, словно сговорившись, считали нас супружеской парой. Блуждая по ковролину пустых гостиных, в новых коридорах и закоулках, нам всегда удавалось поймать секунду для страстного поцелуя украдкой. Нередко нас оставляли в спальне одних, тактично удалившись. Не для совокуплений на полу, а затем, чтобы мы поглубже почувствовали это место «своим». Как на зло, почти каждый последующий вариант оказывался лучше предыдущего. Светлее, просторнее, доступнее да еще с бронебойной изюминкой, вроде дизайнерского ремонта, бассейна с подсветкой или полностью оборудованной мастерской в подвале. От некоторых из этих бонусов приятно сосало под ложечкой. Моя рука непроизвольно тянулась к карману за чековой книжкой, и, покидая зеленый газон, хотелось захватить с собой табличку «Продается».

Но Хлоя добросовестно играла роль помощника. Здесь недостаточно света зимой, говорила она. Или «пол придется менять». Или «в этой части города подтапливает при оттепели, придется покупать дополнительный насос». Ее «инженерные» познания разили меня наповал. Я как-то сказал, что обязательно куплю ей каску строителя и желтую жилетку. – Ты будешь смотреться отпадно.

Она повела бровью:

– В смысле, на голое тело?

Я кивнул.

– Извращенец, – шепнула она, сжав мои пальцы.

Дом на Уэст стрит мы договорились посмотреть в пятницу, в четыре. Накануне вечером мне позвонил риэлтор, некто Миранда Гомес, сказав, что у нее есть замечательный вариант, просто созданный для нас. Просторный и недорогой. Она попросила меня записать адрес.

После уроков я некоторое время провел в своем кабинете, подготавливая программы на понедельник. Уже по дороге набрал Хлою. Она сказала, что выезжает. Я сравнительно неплохо ориентировался в этой части города, поэтому не стал прибегать к услугам джипиэс. Было еще светло. Добрался я быстро. Дом оказался симпатичным двухэтажным коттеджем. С улицы был виден фрагмент застекленной веранды, обычно их используют для зимнего сада.

Имелся гараж на два автомобиля. Я припарковался прямо перед ним, рядом с белым доджем, очевидно, принадлежавшим риэлтору. Телефон отозвался веселой трелью. Я немного повозился, пытаюсь выловить его в широком кармане пальто.

Это была смс от Хлои: «Буду чуть позже. Целую». Я выбрался наружу, но перед тем, как войти, несколько минут осматривался по сторонам. Улица была тупиковой, из тех, что оканчиваются круглым разворотом, до которого отсюда было еще футов триста. Это радовало. Меньше машин, тише, воздух свежее. Второй плюс заключался в том, что дом стоял посередине участка, равно удаленный от соседей справа и слева. Моим родителям в этом смысле повезло меньше. Они, как и я с братом, в избытке познали, что такое соседская газонокосилка в семь утра. Здесь звук, долетающий внутрь, будет гораздо тише. Еще мне понравилась старая ель с могучей кроной у подножия альпинария. Я представил, как сметаю иглы с бетонной дорожки, вдыхая хвойный аромат. Голубые вершины таких же виднелись за кофейной крышей, на заднем дворе.

Парадная дверь была полуоткрыта, в гостиной горел свет. Я постучал перчаткой в дверь. – Мис Гомес, – позвал я.

Но никто не ответил. Пришлось стучать громче. Наконец, я утопил клавишу на стене, разбудив бигбэновские куранты в глубине холла.

Послышались неясные звуки. Мои часы показывали четыре ноль семь. Я открыл дверь и сделал несколько шагов. Внутри было тепло. Закатное солнце проникало в дом со стороны сада сквозь большие панорамные окна. Его-то я и принял за освещение. Мобильный в моем кармане завибрировал, напевая «Three Coins in the Fountain» – позывной Хлои.

Я хотел ответить, но прежде, чем мне удалось поднести его к уху, яркая вспышка обожгла меня откуда-то сбоку сзади. Резко, очень больно. И тотчас обрушилась вместе с домом в какую-то ватную синильную черноту. Я просто растворился. Если бы нужно было передать глубину этого состояния, я бы, пожалуй, процитировал классику: «...и в глазах его воцарилась мгла, чернее, чем в заду у вороного мустанга безлунной ночью в прериях...»

Меня больше не существовало. Я не знаю, как долго это длилось. Внезапно на черном фоне я увидел строгое лицо отца. «Квод лицет йови нон лицет бови», – произнес он чеканно, но как-то натужно, сбиваясь на фальцет. Затем я оказался в школьном кабинете химии. У доски лицом ко мне стоял наш старый мясник, мистер Харрис в жутко окровавленном фартуке. Перед ним на широкой столешнице был распят соседский кот, которого Харрис собирался разделывать. Кот упорно молчал. Широкий тесак в волосатой руке был хирургически чист, поблескивая смертельной сталью. «Понимаешь, – сказал мне мясник, – все прекрасно, пока ты принимаешь жизнь такой, как есть». В подтверждение этих слов кот слегка приподнял голову, покосился на меня и кивнул. «Но, – убрав большой палец левой руки к ладони и согнув указательный, он получил некий измерительный инструмент, который совместил с котом и двигал, как бы прикидывая, как он будет делить тушку, – но все тотчас усложняется, как только ты пытаешься ее изменить». Тесак мгновенно взлетел вверх. Но я уже со всех ног бежал к базе, сжимая под мышкой мяч. На мне был шлем. Сквозь забрало я видел ликующие трибуны. Я мчался во весь опор, поражаясь собственной легкости. Кто-то сзади пытался ухватить меня за футболку. Я увернулся, прибавил еще чуть-чуть. Огромный мужик, похожий на Халка, едва не сгреб меня в охапку. Чудом я уклонился. До базы осталось всего ничего. Я оторвался от земли в гигантском затяжном прыжке и уже на лету вытащил левой рукой... голову Хлои. Задыхаясь от ужаса, я очнулся.

Первым, что я увидел, был белый потолок. Голова безумно болела. На лбу нащупал марлевую повязку, которая шла до затылка. В серебристом штативе у изголовья висел пакет с какой-то жидкостью. Прозрачная трубка от него спускалась к моему предплечью, зафиксированная пластырем. Я покосился вниз, потащил одеяло. На мне была больничная распашонка, мечта гомосека, и больше ничего.

В палату вошла молодая медсестра справиться о моем здоровье. Я пожаловался на головную боль. Она вернулась с парой таблеток в пластиковой ячейке и дала мне запить их водой.

– К вам посетитель, – предупредила она напоследок.

Я приготовился увидеть Хлою, но, когда открыл глаза, рядом сидел помощник шерифа. Рослый деревенский парень жевал резинку. Он спросил, как я себя чувствую и помню ли, что произошло. Слава Богу, память у меня не отшибло. Я подробно рассказал ему все до того момента, как исчез в доме. Слушая меня, он делал пометки в какой-то форме, приколотой к черному планшету, щедро пересыпая стандартные вопросы стандартным «сэр». Затем он показал мне два фото и спросил, знаю ли я этих людей. Оба были скопированы из полицейского досье. Обычных людей не фотографируют в фас и профиль с обязательным номером. Ни одного из этих мексиканцев я раньше не видел.

– Кто это? – спросил я.

Полицейский спрятал фото обратно в конверт.

– Они утверждают, что нашли вас в доме без сознания. Когда патрульный приехал на вызов, они как раз несли вас к автомобилю. Сказали, что собрались везти в госпиталь.

Он протянул мне очередной лист бумаги.

– Здесь перечень вещей, которые были при вас. Посмотрите, все ли на месте. Деньги, часы, может быть, драгоценности, ну там кольцо или запонки.

Я внимательно прочитал.

– Нет, все на месте. А что вам сказал риэлтор?

Сержант задвинул резинку поглубже за щеку:

– Мы проверим сэр, не волнуйтесь. Вообще, дом был снят на сестру одного из этих парней, ну, что я вам показывал. И продавать она вроде как не собиралась. Да, подытожил он, путаница какая-то.

Напоследок он пожелал мне скорейшего выздоровления. Следом за ним пришел врач. Улыбчивый пожилой джентльмен с бородкой, в прекрасном настроении. От него я узнал, что скорую вызвала полиция. Меня приняли без сознания с сотрясением мозга и рассечением кожи в районе затылка.

– Ерунда, царапина. Могли зацепить мебель при падении. Еще пару тестов. Посмотрим динамику. Словом, денек-второй, и отпустим вас на поправку. Нечего тут, юноша, прохлаждаться.

Таблетки, видимо, подействовали. Боль притупилась, и я заснул.

Некоторое время спустя меня разбудил легкий стук в дверь. На пороге появилась Хлоя. Заплаканное лицо, скомканная салфетка в руке. Мы поцеловались. Вернее, она прикоснулась губами к моей щеке с пробивающейся щетиной.

– Ты должен уехать – первое, что сказала она, присев у кровати.

Я покачал головой:

– Только с тобой.

Она взяла мою руку, поднесла к губам:

– Прошу тебя.

Я прикоснулся к ее коже:

– Мы можем уехать вместе, куда угодно. Ты, я и Чак.

Она мгновенно стала серьезной:

– Меня он не тронет. Тем более Чака. Он даже приблизиться не смеет, у него судебный запрет.

– Может быть, – согласился я, но на его псов этот запрет не распространяется.

– Ты не понимаешь, – она изобразила ужас. – Это страшный человек. От него сбежать невозможно.

– Давай попробуем, – не сдавался я.

Она встала и отвернулась к окну:

– Я уже пробовала. Четыре города за десять лет.

Я расклеил сохшиеся губы в улыбке:

– Значит, я мог стать пятым твоим ухажером, закатанным в асфальт.

– Дурак, – бросила она, не поворачиваясь. – Это я вызвала копов. Должна была ехать к тебе, и вдруг кто-то позвонил из школы, просили срочно явиться. Я поехала, а потом додумалась перезвонить Чаку. Он сказал: все ок, мам, все нормально, ни сном ни духом. Ну, я и поняла.

– Давай потеряемся, – прошептал я. У меня есть деньги. Нам хватит.

Она не ответила. Долго стояла, разглядывая что-то за окном.

– Ты не понимаешь, – произнесла она наконец. – Он – отец Чака. Е-нутый на всю голову, но отец. Для него он готов сделать все, что угодно. И потом... – она запнулась. В палате повисло минутное молчание.

– Ну да, сказал я, он тебя любит.

Я ухмыльнулся:

– Понравилось жить в золотой клетке?

Она обернулась. Посмотрела мне в глаза. Затяжным, пронзительным взглядом. А потом, не проронив ни звука, вышла из палаты.

Под вечер мне сделали перевязку и поменяли капельницу. Обычно при сотрясениях нарушается сон, сказала сестра, поэтому мне дали снотворного. Я лежал, отстраненно наблюдая за тем, как краски дня постепенно бледнели, уступая всепоглощающей серости, все более и более зыбкой. На противоположной стене под потолком висел телевизор. Я не включал его. Последний раз я попал в госпиталь в тринадцать, когда мне удалили аппендицит. Это была другая больница, в другом штате. Почти двадцать лет назад. Но, похоже, не все меняется в этом мире.

ПУСТЫЕ ХЛОПОТЫ

В ящике тумбы вместе с носовым платком, визиткой шерифа и начатой пачкой «Холс» лежал мой мобильник. За выходные он так ни разу и не зазвонил.

Когда меня выпустили в понедельник, я первым делом вызвал такси и отправился за машиной. Все это время она простояла там, где была припаркована, – у гаража злополучного дома. Звонить в дверь я не стал. Домой приехал ближе к полудню. Принял душ, побрился, переоделся, собрал все необходимое. Винная коллекция перекочевала в картонный ящик. Часть вещей я упаковал в багажник, остальное – в основном одежду – сложил на заднем сидении.

По дороге в Мид я думал, что сказать Грисби. Весть о моем увольнении он воспринял стоически и поинтересовался причиной. Мне ничего не осталось, как сыграть. Я соврал, что после госпиталя не могу концентрироваться на деталях:

– Проблемы с памятью. Врачи говорят, такое бывает после травм.

Он по-отечески опустил руку мне на плечо:

– Возьмите отпуск.

Я покачал головой.

– Что ж, – выдохнул он, – очень жаль.

Время для Мида было уже позднее, мне не удалось попрощаться с коллегами, избежав при этом пространных объяснений. Я любил эти стены и покинул их с тяжелым сердцем. Солгавший единожды, будет лгать впредь, подумалось мне.

И я поехал в полицейский участок. Визитка, оставленная копом, пришлась кстати, меня приняли без проволочек. Проблема была в том, что, просматривая список моих вещей, составленный полицией, тогда в больнице я позабыл о стволе. Его в перечне не было. Хотя я точно помнил: во внутреннем кармане пальто лежал ругер с полной обоймой. Видимо, перед тем, как отнести меня в свой седан, те двое успели пошарить по карманам. А может, там же на месте перепрыгали или избавились от чужого ствола, завидев полицию. Как бы то ни было, оружие исчезло. Пикантность ситуации состояла в том, что я так и не выяснил, имел ли я право носить его с собой. Хранить – да, бесспорно. Таскать в карманах или кейсе – не уверен. Пришлось соврать, что, когда я забирал машину утром, из бардачка исчез пистолет. Я готов был заплатить штраф. Все же это лучше, чем ствол с моими отпечатками, всплывший при ограблении банка или бандитских разборках. Меня внимательно выслушали и попросили заполнить рапорт о потере оружия. На том и разошлись.

В понедельник, за два часа до захода солнца, я был свободен, как пилигрим, страдающий амнезией. Моя «Тойота» рассекала холодный ноябрьский воздух. Весь мой скарб (бог с ней, с плазмой) был при мне. Ничто, кроме женщины, так и не ставшей моей, и разорванной ренты не удерживало меня позади.

Я не знал, куда еду и зачем. Бак был полон. Бумажник распух от наличных. Впереди лежала бесконечная дорога. Я сделал «More Than Words» погромче, убавил печку и пару часов наслаждался тупым вождением, без цели, намерений и задних мыслей. Мой мозг приближался к статусу табула раса. Я дал вольную телу. Теперь оно вело меня вперед. Оно хотело отлить – я сворачивал на заправку. Оно хотело есть – я ужинал в придорожном кафе. Когда ему потребовался отдых и совсем стемнело, я остановился на ночлег в первом попавшемся мотеле.

Типичный одноэтажный клоповник из тех, где разрешается курить, все же имел кабельное и вай-фай (за пароль с меня содрали дополнительные пять баксов). Я спал, как убитый. Утром, позавтракав омлетом с пережаренной ветчиной и запив это чашкой помоев, почему-то называемых кофе, я принялся шарить по сайтам в поисках работы.

Мне повезло. Учителя требовались повсюду. По умолчанию, решено было до поры до времени избегать мегаполисов. Жизнь в большом городе, даже если речь шла о дорогах

районах резиденциал, меня несколько утомила. Хотелось меньше суеты и больше живописи. В конце концов, чем были мои обычные выходные на протяжении всех этих лет, как не бегством из каменных пещер на лоно природы? Я подумал, что жизнь в провинции скучнее, но зато и более спокойна. Будет время осмотреться по сторонам и помыслить о делах наших скорбных.

После Мида я мог запросто открыть любую провинциальную дверь. Такое бывает. Иногда гарвардский профессор, окончательно отравившись парами Камю, Эллингтона и дорогого вермута, способен низринуть себя до сельских пейзажей Айовы. Я летал не так высоко, но мой прежний педагогический опыт давал мне фору.

Вобщем, целый день был потрачен на бесконечные рассылки резюме по всему Западу. Уже к вечеру стали приходить первые ответы. Меня рады были бы увидеть в Стоктоне и Раш Вэлли, с нетерпением ожидали в Фэрфилде, Нефи, и Сидар Форд. К следующему полудню таких приглашений было уже двадцать шесть. Ни одно из них не сулило заработков, даже отдаленно напоминавших школу Мида. Но я понимал, что смогу сэкономить на ренте и прочих расходах. Чем глубже в лес, тем дешевле хижины. Конечно, забираться в откровенную тьмутаракань, где на заброшенном консервном заводе воют выпы, а в округе шляются великовозрастные жертвы инцестов с вечной улыбкой гнилых зубов, мне не хотелось.

И на помощь пришел Google. Google Earth показывала мне любую из заданных локаций во всевозможных ракурсах – со спутника, с высоты птичьего полета, в уличном режиме, как если бы я сам прогуливался по округе. После такого знакомства некоторые из предложенных мест отпали сами собой. Другие показались мне симпатичными.

С самого начала Флаин Спэрроу в Юте подкупал богатой зеленью, аккуратными домами (его основали мормоны на рубеже веков) и удобной транспортной развязкой. До Хэбэр Сити оттуда можно было добраться за два часа, что немаловажно для общения с внешним миром. Я решил временно не пользоваться кредиткой и не звонить с нового места. Пускай обо мне забудут.

Директором местной школы оказалась миниатюрная Пэгги Джонс, дамочка с принципами, эдакая провинциальная егоза «метр в кепке» с комплексом вечной отличницы. Школа сияла чистотой. Приняли меня вполне радушно. В нашем первом разговоре Джонс заметила, что, хотя Флаинг Спэрроу нельзя назвать центром современной цивилизации, она надеялась, что в моем лице школа обретет гида и помощника в освоении самых передовых методик. О да, сказал я, разумеется, и подумал: с тем и приехал. По части жилья проблем тоже не возникло. Здесь не было квартир, зато сдавались целые дома за половину того, что мне приходилось платить в Мэдфорде. Меня все устроило.

Через день я переехал в небольшой двухэтажный дом на самом отшибе, у соснового бора. В моем полном распоряжении была большая гостиная внизу, светлая кухня, подозрительно чистая ванная с туалетом и две спальни на втором этаже. Еще имелся чердак. Вход в погреб был закрыт, о чем мне предупредительно сообщил агент еще до показа. Мол, там хозяйева хранят свои пожитки, включая старую мебель. Я не возражал. Мне понравился этот дом, потому что он был теплым, светлым и уютным, стоял в тихом месте, а с балкона второго этажа открывался потрясающий вид на бесконечное поле, обрамленное лесными зарослями с обеих сторон. Сплошная тишина и умиротворение. Как раз то, что нужно для размышлений о жизни, счастье и любви.

Но зимой школьные будни поглотили меня целиком. Личного кабинета уже не было, зато рядом с учительской имелся зал для настольного тенниса. Через пару дней я выяснил, что физкультурник, биолог и химичка играют так себе, а вот географ способен содрать три шкуры.

Ему было под пятьдесят, и он двигался, как бог – плавно, с хорошо поставленной академической стойкой. Он расстреливал меня, смеясь, финтил, заставлял проваливаться, словом,

от души издевался над наивным любителем. После нескольких партий с меня градом лил пот. Поэтому мы договорились сражаться в конце дня, перед уходом.

Вечерами я читал. Телевизора у меня не было, мне вполне хватало ноутбука. По выходным здесь все ходили в церковь. Миссис Джонс как-то спросила, скрывая явное недоумение, почему она не видит меня в соборе?

– Их бин агностик, – сказал я первое, что взбрело в голову, почему-то на немецком.

– Вы не верите? – проникновенно спросила она.

– Верю, – ответил я, – но не могу определиться.

Она многозначительно покачала головой, но оставила меня в покое.

Флаинг Спэрроу с его патриархальным укладом явно не был построен для развлечений. Продвинутая местная публика предпочитала сваливать в Солт Лэйк при первой же возможности и там уже отрываться на всю, вдали от осуждающих взглядов и слухов. Пару раз меня звали с собой. Я вежливо отказывался. Напиться и отодрать по пьяни коллегу, с которой потом всю неделю будешь встречаться нос к носу и сконфуженно отводить глаза – то еще удовольствие.

Я часто думал о Хлое. По сути, из-за моей дурацкой привязанности к ней (не секс был тому основой, многие двадцатилетки давали ей фору за глаза) я потерял любимую работу, обычный уклад и едва не расстался с жизнью. И я готов был идти дальше, если бы она сделала хоть малейший шаг мне навстречу. Хотя бы кивок, разворот туфель в мою сторону. Alas! А если этого не случилось, то кем я был в ее жизни? Бойфрендом, парнем на перепахнуться? И кем был он? Наверное, удобно держать при себе чудовище, которое оплачивает твои счета, играет с ребенком и заодно отгоняет от тебя очередного любовника, едва чувства переживут пик.

Выбираясь в Хэбэр Сити, я пытался дозвониться до нее, но никто не отвечал. Видимо, она поменяла номер, а может, переехала. Мои смски и имейлы проваливались в пустоту. Впрочем, я не злился на нее. Даже прекратил попытки понять. Типичная позиция агностика.

Весной, стоя перед равниной, переживающей обновление, я склонен был полагать, что все идет, как и должно, и, видимо, есть какой-то особый положительный смысл в том, что история наших отношений с Хлоей закончилась так, а не иначе. Пропитанная влагой земля пахла жизнью. Я не мог надыхаться запахом прелого луга, его дурманящей новизной и подумал, что непременно брошу курить.

Это намерение возникло примерно за четыре месяца до того момента, когда я обнаружил, что курение не просто гробит жизнь. В редких случаях оно может ее спасти.

ИНОГДА ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Это было обычное субботнее утро. С ночи зарядил мелкий дождь. Я позавтракал и вышел на веранду с чашкой кофе на блюде. Задний двор представлял собой ровный прямоугольник с идеально подстриженным сочным газоном. Ни цветов, ни кустов, ни деревьев. Вместо привычного городского забора по периметру стояли квадратные в сечении столбы. Их соединяли всего две жерди наподобие той, которую мы с дедом когда-то использовали для тира. В четырех футах по ту сторону начинался кукурузный лес. Я не силен в агрономии, но сорт, который они культивировали в Флаинг Спэрроу, для меня был необычным. Никогда раньше не видел стеблей в семь футов высотой. Из-за них часть газона была прилично затенена, и создавалась атмосфера какой-то камерности, скрытого зеленого уюта.

Еще будучи в Мэдфорде, я привык заваривать особый кофе на выходных. Просто для того, чтобы обозначить праздник – законную свободу от трудовой повинности будней. В праздник полагалось быть праздным. У меня была хлопковая кремовая пижама и натуральный халат цвета беж. Субботним утром я пил кофе на веранде и считал себя сибаритом. Столика с креслом я еще не купил. Сидел на перилах. Широкий навес укрывал меня от дождя. Сделав глоток и наслаждаясь вкусом, я внимал тому, как исполинские стебли насыщались небесной влагой при полном безветрии. Сама безмятежность. Не хватало лишь одного. Я решил вернуться в дом за сигаретой. Пачка на кухне оказалась пустой. Я вспомнил о блоке в спальне, выпотрошенном наполовину. Поднялся, вскрыл пачку, повесил сигарету к губе. Вспомнил, что накануне оставил зажигалку на подоконнике. И, уже стоя у окна, увидел их.

Старый «Бьюик Лесабр» был оставлен внизу, перегородив выезд. Дом как бы находился на возвышенности и, как множество старых домов, не имел гаража. Гараж построили позднее, футах в ста от дома. Едва потеплело, я стал лениться и оставлял машину на драйвее, не слишком заботясь о сохранности. Публика в городке была набожная. Кражи случались редко.

Те, которые вышли из Бьюика (их было четверо), разделились. Двое подошли к моей машине. Один присел рядом с колесом. Выкинул лезвие ножа и загнал его в крышку. Второй осматривался по сторонам. Остальные не сводили глаз с дома, неспеша приближаясь. По крайней мере двое из них были мексиканцами. И у того, кто шел первым, из-за ремня джинсов выглядывала рукоять, которую, похоже, он не особо скрывал.

Мне потребовалось мгновение, чтобы схватить бумажник. Я сгреб в охапку первые попавшиеся шмотки и пулей спустился вниз. Стараясь двигаться быстро, но бесшумно, пробрался на веранду и пересек задний двор. Перед тем, как нырнуть между жердями забора, оглянулся. Их пока не было. На перилах поверх итальянского фарфорового блюда остывал мой Pike Place Roast Starbucks. Рядом на полу лежал субботний выпуск NYT, которому так и не суждено было покинуть пластиковый пакет. Последний стоп-кадр из прежней идиллии, оставшийся в моем мозгу.

Я бросился в заросли кукурузы. Бежать в комнатных тапках по пересеченной местности оказалось мучительно неудобно. Но у меня не было выбора. И, больше прочего, я боялся потерять то, что есть. Единственное, о чем я мог тогда думать, так это о балконе второго этажа. Рано или поздно (лучше поздно) они поднимутся туда, а оттуда поле, как на ладони. Меня они не увидят, однако по движению стеблей поймут, где я. И хотя снайперки у них наверняка нет, нарваться на пистолетную пулю – событие тоже не из приятных.

Понимая это, я взял вправо. Рассчитывая, что так пересеку поле быстрее и укроюсь в лесу. Если продолжать двигаться прямо, а у них хватит мозгов, они сообразят устроить засаду по ту сторону. Все равно кукуруза упрутся в дорогу, иного пути нет. Поэтому кто-то из них может перегнать машину и ждать меня с дробовиком наперевес, пока другие кинутся по моим следам.

– Какого хера! – яростно шипел я, задыхаясь.– Какого хера!

Мокрые стебли больно хлестали по лицу и цеплялись за полы халата. Он промок и отяжелел. Пришлось от него избавиться. Было холодно ногам. Наконец оказавшись в лесу, я упал на колени, чтобы пару секунд отдышаться. Пижама была перепачкана. Я снял ее, натянул джинсы и байку. Лес был более сырым, нежели мне казалось. Тапки скользили по глине, и я поминутно балансировал, чтобы не упасть. В голове все время громко стучал тупой шаманский бубен. Останки ветвей и какой-то мерзкий кустарник, стелившийся по земле, больно царапали лодыжки. Я спугнул лося, при этом сам чуть не обделался. Долго бежал. Споткнулся о корень, скатился в овраг, едва не свернув себе шею, и там затих, разглядывая грязное, искаженное ужасом лицо на дне лесного ручья.

Мне хотелось только одного: растерзать этого старого ублюдка. Добраться до него любой ценой. Но не убить, а вывезти в укромное место и там годами резать его по миллиметру в день, обкалывая антибиотиками и витаминами, чтобы он не двинул коней раньше, чем я того пожелаю. Мать твою, ради этого стоило жить!

Я жадно напился. Потом перевернулся на спину и лежал, прислушиваясь. Мне повезло. Эти компрачикосы рассчитывали застать меня врасплох, но облажались. Каковы мои шансы? Даже если бы в доме у меня имелся ствол, справиться с четырьмя наемниками было бы непросто. Максимум, если улыбнется удача, можно продержаться до приезда полиции. При условии, что успеешь ее вызвать, и не схлопочешь свинец, пока они в пути. Но на погоню эти придурки явно не рассчитывали, а иначе захватили бы с собой пса. Вот когда бы мне пришлось по-настоящему туго. Хотя...

Может, в это самое мгновение моя смерть, широкоскулая и подтянутая, с вываленным языком, покидала заднее сиденье автомобиля и держала голову пониже к земле, направляясь в сторону кукурузных початков. Рассиживаться нельзя.

Я с горечью вспомнил о мобильном, повисшем на проводе зарядки в гостинной. Будь он со мной, я мог бы вызвать полицию и раздобыть машину до города. Без него – либо перекачтоваться в округе, либо попробовать автостопом. На вокзал соваться опасно. Это первое, что придет им в голову. Отсиживаться в полицейском участке тоже не получится. Они могут улизнуть и прохладиться где-нибудь в машине, припаркованной в переулке по соседству, хорошо понимая, что рано или поздно я выйду наружу.

Выбравшись из оврага, я побрел быстрым шагом. Старался придерживаться направления. Мой расчет был на то, что через несколько миль равнина перейдет в пригорок, а за ним будет дорога на Чарлстон. Не магистраль, но вполне удобоваримая, популярная среди аграриев, особенно в эту пору.

Через три часа лесной прогулки я смертельно устал и не менее смертельно проголодался. Меня подобрал фермер. Я соврал, что пошел искать собаку, забрел в чащу и заблудился. С грязными тапочками на ногах выглядело это правдоподобно. Особенно, когда я сказал, что учитель, и упомянул пару имен, известных в округе. Мне дали сэндвич. Чтобы добраться до города в кабине трактора, нам понадобилось два с половиной часа...

Уже в Чарлстоне, обувшись в «Dollar General», наевшись и выспавшись в местном отеле (усталость и стресс победили животный страх), я стал раздумывать, что делать дальше. Было ясно: Кэмпбелл пошел на принцип. Уехав из Мэдфорда, я наивно рассчитывал, что все уляжется самособой. Увы. Видно, старый психопат решил меня доконать. И будет гнать до конца. Отныне мне придется просчитывать ходы наперед, шифроваться еще тщательнее, таскать при себе оружие и поминутно оглядываться. Вобщем, вести жизнь параноика с тою только разницей, что мои опасения реальны.

Нет, теоретически, насмотревшись боевиков, можно пойти ва-банк. Показать этому засранцу, кто круче. Найти его самому – уверен, этого он ожидает меньше всего – и расстрелять гребаный джип из «АКС» на тихой проселочной дороге.

Но так бывает только в кино. Во-первых, добраться до него совсем не просто. Во-вторых, он окружен отпетыми ублюдками, многим из которых нечего терять. В-третьих, чтобы выстрелить в человека, нужно дойти до грани или иметь яйца совсем другого размера. Я мог бы спустить курок в случае сиюминутной смертельной угрозы, но исполнить запланированное убийство – пас. Не мой удел.

Попутно я пытался оценить, каковы шансы получить защиту от полиции, однако и здесь рассчитывать было не на что. Копы эффективны, когда действуют по факту, а нет тела, значит, нет дела. К тому же, он присылает кого-то, но никогда не приходит сам. Попробуй докажи в этом случае его причастность.

Больше всего тогда меня волновал вопрос, как они смогли вычислить. Я нарочно выбрал дыру потише. Избегал людных мест, где могли бы работать камеры, подключенные к системе распознавания лиц. Купил новый мобильный. Не пользовался кредитными картами. Отсылал почту из муниципальной библиотеки, которая почти в двухстах милях на север. Там же в отделении банка получал зарплату наличными. Даже мои родные не знали, где я нахожусь. Допустим, вездесущая Пэгги Джонс позвонила в Мид ради профформы, чтобы получить от Грисби рекомендацию. Кэмпбелл мог поинтересоваться у него, куда пропал репетитор его сына. Маловероятно. К личной информации Грисби всегда относился чересчур щепетильно.

С другой стороны, я не мог представить, что старый пердун отправил десять команд на поиски бывшего любовника его еще более бывшей жены. Понадобилось бы слишком много людей и времени на то, чтобы пропесочить каждую школу, хотя бы в соседних штатах. Я провалялся двое суток в отеле, выкуривая сигарету за сигаретой, пока не нашел зацепку, по которой они вышли на меня. SSN. Где бы ты ни находился, как бы далеко ни забрался, все это не имеет значения. Чтобы жить, нужно зарабатывать. Ни одна официальная контора, чем бы она ни занималась, не примет тебя в штат без SSN. Номер социального страхования следует вместе с тобой повсюду. Его можно подделать, но это федеральное преступление с гарантированной отсидкой лет на десять. К базе SSN имеют доступ налоговики, полиция, ФБР, Агенство по борьбе с наркотиками, пограничники и еще с дюжину агентств. А это значит, что любой продажный коп, который у него в долгу, пограничник, закрывающий глаза на его посылки из Мексики, определит, где я, как только школьная бухгалтерия выдаст мне зарплатный чек. Сбежать от этого невозможно. Если работать официально. Если нет – добро пожаловать в мир нелегалов.

О карьере учителя, конечно, придется забыть. Зато мои руки могут понадобиться на сборе урожая в Калифорнии, теплицах Флориды, стройках Чикаго, Далласа или Нью-Йорка. Можно трудиться бок о бок с мексиканскими нелегалами за пару долларов в час, вернуться к подпольному репетиторству, а летом жарить сосиски на пляжах в Санта-Монике. Можно уехать в Канаду и там жениться, взяв фамилию супруги. Или забиться в самую глубокую задницу, где хозяин местной забегаловки, распознав в тебе белую кость, позволит стоять за плитой помощником шефа и заплатит кэшем.

Парадокс заключался в том, что у меня были деньги. Я мог безбедно существовать годами, вообще не работая. По крайней мере, пока ситуация не изменится. Но проедать воздушную подушку не хотелось, и у меня была почти бессознательная уверенность в том, что однажды эта сумма понадобится мне для какого-то дела. В итоге, поскитавшись около месяца по задворкам Северо-Запада, мне ничего не оставалось, как постучаться в «Берлогу» мистера Пэрри в Бактейле, штат Небраска.

И вот я в этой заднице – вуаля!

В КРУГЕ ПЕРВОМ

Память является худшим врагом человека. Особенно в те роковые моменты, когда предстоит пережить житейские перемены от хорошего к плохому. По сравнению с моей работой в Миде, кухарка в «Берлоге» была падением ниже плинтуса.

Никогда еще за всю мою долгую самостоятельную жизнь со студенческой скамьи мне не приходилось заниматься ничем, хотя бы отдаленно напоминающим эти каменоломни. Даже в те годы, когда я побирался, подрабатывая частными уроками, или мучил скаутов правильным английским в детских лагерях. Все же я работал по профилю. И мой профиль был интеллектуальным. Грубо говоря, мне платили за то, что я эксплуатировал собственные мозги.

Здесь же, в Бактейле, на мои умственные способности, университетский диплом и огромный педагогический опыт всем было насрать. Их больше интересовало, как быстро я сумею нарезать лук и прожарить отбивную.

Нечего и говорить, что мои первые дни в «Берлоге» были суцимъ адомъ (давайте сохраним эту старорусскую орфографию, чуть ниже я объясню, почему).

Есть повара от Бога. Без сомнений, я к таким не принадлежал. Некоторые даже физически приспособлены лучше к тому или иному ремеслу. К примеру, посмотрите на руки знаменитых пианистов. Рихтер, Рахманинов, Горовиц, Ван Клиберн. Все они размахом ладони покрывали полторы октавы. С моими природными данными в кулинарии, после долгих изнурительных тренировок, я мог рассчитывать разве что на собачий вальс. Рожденный ползать, как говорится. К тому же любая успешная коммерческая кухня строится на скорости, а скорость была явно не тем, за что мне изрядно платили все эти годы до того.

На мое счастье Пол, мой первый шеф, обладал исключительным терпением и нечеловеческим чувством юмора. Там, где я косячил, он впрягался за меня. Сноровку я добывал потом и кровью, причем нередко кровью в прямом смысле слова. Такова плата новичков за профессиональную технику.

Иногда, едва что-то начинало получаться, и у меня был повод застыть на секунду с глупой улыбкой в ответ на похвалу Пола, предательская память садилась в угол, сплетала руки на груди и кричала мне «Браво!» с ударением в конце, на французский манер. Браво, говорила она, для этого и вправду стоило учиться шесть лет в университете. Да ты просто милашка. И мне казалось, что другой я, мой двойник, по-прежнему жил в Мэнфорде, спорил с учениками, водил податливую «Тойоту», обсуждал выставки авангардистов с коллегами, ужинал в лучших ресторанах по выходным и проникал в женские тайны, плененный их свежестью, яркостью и новизной. Память всякий раз говорила мне, что он украл мою жизнь.

В такие минуты мне почему-то думалось о русской иммиграции. Не той, которая привела на Запад Бродского и десятки тысяч врачей, инженеров, музыкантов, сделав из них таксистов и сантехников. В Советской России не было иерархии сословий. Поэтому переход от пробирок в лаборатории к пассатижам электрика хоть и воспринимался неоднозначно, не был ударом судьбы. Тем более, что за должность на кафедре в Ленинградском НИИ платили копейки, а, став электриком в Бостоне, ты мог (впервые в жизни!) достойно содержать семью, купить машину и через пару лет получить кредит на собственный дом.

Я думал о самой первой волне. О той, которая заставила бежать русских дворян от надвигающейся чумы большевизма в начале двадцатого века. Вот кому поистине пришлось несладко. Бывшая княгиня шла в гувернантки, граф нанимался в конюхи, если у него не хватало мужества застрелиться. Хуже всего доставалось тем, как ни странно, у кого на новой родине были связи и друзья. Как только заканчивались деньги с распродажи фамильных драгоценностей (речь о тех, кому удалось их вывезти), все тотчас о тебе забывали. Среди извращенцев тех времен считалось особым шиком иметь русскую прислугу не ниже княжны.

Так вот, я не был дворянином и не задираю нос. Однако, не требовалось семи пядей во лбу для понимания, что мое появление на кухне «Берлоги» было полным и отвратительным мезальянсом. Впору припасть к колонне в русском храме, вздыхая: за что, Господи, за что?

А, если серьезно, высшее образование, тренируя мозг и развивая мышление, дает один неопределимый козырь – способность абстрагироваться. Сначала она спасает тебя от рутины. Потом, когда из постоянно повторяющихся действий рождается автоматизм, и ты перестаешь резать или обжигать пальцы, начинается самое интересное. Тебе хочется новизны.

Ибо единожды отравившись творчеством, остановить мозг уже невозможно. Мне настолько надоели стейки и картофель фри, что я стал на ходу импровизировать просто со скуки. Менял форму нарезки, добавлял специи, совершенствовал прожарку, менял температурные режимы, декорировал овощами. Я, конечно, понимал, что все эти фокусы из другой лиги, но меня это не смущало. Мне хотелось расти и совершенствоваться, коль скоро время это позволяло.

Я стал готовить новые блюда для себя, Трэвиса и Анны. Готовить тайно. Жирдяю Тони знать об этом не полагалось. Несколько раз в неделю мы баловались отменной вкусятиной. Пока мне хватало продуктов. Но, если выкроить лишнее время после того, как я набил руку, не составляло труда, то входящий ассортимент в долгоиграющей забегаловке с вечным меню рано или поздно должен был исчерпать себя. В один прекрасный день мне захотелось большего. Приносить же с собой артишоки или филе палтуса я не мог. Помимо требований FDA, это было бы грубым нарушением профессиональной этики. Все равно, что заявиться с собственным трупом в анатомичку. Как результат, дальнейшие опыты пришлось ставить уже дома.

В Бактейле многоквартирных коттеджей не было отродясь. Зато хватало домов заброшенных, особенно на окраинах. Жить в них было невозможно, но хозяева рентной недвижимости любили устраивать экскурсии для новоприбывших по этим загаженным сараям с прогнившими полами, выбитыми стеклами и стенами, покрытыми графитом. Да, по сравнению с этим, дома, которые они предлагали, могли показаться просто дворцами.

Устроившись в «Берлогу», я выбрал приземистый, аккуратный, с одной спальней, крышу которого отремонтировали буквально накануне. От него до работы можно было доковылять пешком минут за двадцать. Ковролин в доме имел неопределенную бурую окраску и разил псиной (до меня здесь долгое время держали собаку), несмотря на грузовик вылитой химии. Обои в гостиной и спальне были поклеены еще при Рузвельте. Что на них изобразили изначально, навек останется загадкой. Ванна грешила пятнами ржавчины, но я уже знал, как с этим бороться. И, несмотря на все эти «прелести», хозяйка стояла намертво. Восьмидесятилетняя хрупкая старушка с волосами, подкрашенными перламутром, на мои замечания не проронила ни слова. Когда я сказал, что вынужден буду поменять половое покрытие и освежить стены, она ядовито улыбнулась во весь протез:

– Вы можете делать, что угодно, но рента останется той же.

Странное упорство, ведь конкурентов у меня просто не было.

В жизни случается всякое, поэтому выражение «дойти до последней черты» всегда в ходу. Дело в том, что, попадая в Бактейл, эту самую черту требовалось переступить. В первый же день я купил дробовик с патронтажем. Это для дома. «Смит и Вессон» двенадцатого калибра лежал в моей сумке, с которой я никогда не расставался. Возвращаясь домой за полночь (у меня был велосипед), я перекладывал его за ремень на тот случай, если кто-либо из загулявших торчков решится поискать удачи. Пришлось заново, уже в третий раз, закупать мебель и кухонную утварь. Стиральная машина в подвале проржавела до такой степени, что пользоваться ею не представлялось возможным. Еще одна статья затрат.

Хотя плита оказалась вполне живой и даже газовой. Со временем я научился это ценить. Вся профессиональная кухня в мире готовится на огне. Электрическими же плитами пользу-

ютя в основном забегаловки. Об этом мне сказал Пол задолго до того, как я стал учеником чернокнижника.

Мне не в чем его винить. Наоборот. Ему попался дерьмовый материал. Белоручка, вчерашний учитель, почти ровесник. Мне стало дурно в первый же день от духоты, в которой он парил ежедневно. Из этого комка он лепил повара, терпеливо, шаг за шагом, понимая, что я готов сорваться и скипнуть в любую минуту. Он возился со мной. Хотя сплошь и рядом было принято швырять учеников в топку: достойный выберется, на остальных насрать. Пол шутил там, где у других срывало башню. Никогда не укорял и не обзывал. За те полтора года, что мы проработали в «Берлоге» вместе, он поставил мне базу. Из подобранного изюга, не отличавшего петрушки от сельдерея, он вырастил толкового подмастерье (как я понял потом), свою смену. Даже если бы он захотел поделиться большим, в то время я не был в состоянии это принять. Мы готовили в тылу врага. А радовать Толстяка своими оплошностями не хотелось.

Я понимал, что Пол снизошел до «Берлоги», и узнать, какая тайна стояла за его бегством из мира высокой кухни в наши подземелья, мне так и не удалось. Наверное, в чем-то мы были похожи. Может быть, поэтому он относился ко мне, как к родственной душе.

Когда Пол исчез, а я смог удержаться на ногах, у меня по мере роста стали возникать сотни вопросов, но отвечать на них было уже некому. Тогда я залез в интернет. Присягнув на верность всемирной паутине. Нахвататься каких-то навыков – еще не значит быть специалистом. Мне не хватало системы, я это чувствовал. Все эти разрозненные знания и умения нужно было свести воедино, перед тем как идти дальше. И я начал с того, что по-пиратски скачал профессиональные руководства для поваров. Помимо американских мэтров, в сети попался перевод учебника кулинарной мекки – французской академии Le Cordon Bleu. В онлайн магазине я заказал набор ножей. Хвала YouTube, лучшие повара мира делились своими техниками в видеоуроках, и можно было тренироваться, не выходя из дома.

На доске в дюйм толщиной, склеенной из квадратов разных пород, преимущественно твердых, а потому тяжелой и, словно приклеенной к столу, я стал практиковать разные виды нарезки. Оказалось, кроме обычной «чоп» есть понятие «конкассей», когда овощи нарезают крупно, и «минс» – очень мелкая нарезка, а вдобавок к «слайс» существует «эмансей» – нарезка очень тонкими ломтиками.

В первые недели у меня безумно болела кисть левой руки. До работы (бар открывался в пять, персонал приходил в четыре) я штудировал пособия и осваивал работу с ножом. Так вот, человеку с широкой ладонью, но короткими пальцами держать фаланги почти вертикально, фиксируя ими овощи или мясо на доске – задача не из простых. Первыми начинают болеть пальцы, затем ноет запястье. Ясное дело – все это происходит от непривычки, но рукам от такого логического объяснения не легче. Проблема в том, что только в таком положении, когда боковая часть ножа скользит по фалангам, можно получить вожаделенную скорость. Вариантов обезопасить пальцы есть дюжина, а вот резать быстро и при этом не крошить себя в салат – увы.

Зато потом происходит чудо. Есть доска, на которой лежит морковь. В кадре появляются руки и нож. Они висают над морковью. Потом плывут справа налево, оставляя за собой стопку оранжевых игровых фишек. Едва научившись, я стал получать сумасшедшее удовольствие от процесса. Мне хотелось нарезать все подряд – апельсины, сосиски и даже карандаши. Однако то, что творили на экране китайские повара, было выше любого осмысления. Нож буквально исчезал из виду. Они могли насечь горы полуфабрикатов за минуту. Скорость на грани помешательства.

Я понял, что стоит остановиться, и вернулся к европейским истокам. Как выяснилось, французы давно унифицировали нарезку овощей. Мне проще всего было начинать с кубиков гранью в 2 см – ладж дайс, затем, постепенно уменьшая размер до медиум дайс (12 мм) и смол дайс (6 мм). Это еще не все. Более мелкий размер требует хорошей моторики. Он называется

брунюаз и имеет стороны 3 мм на 3 мм на 3 мм. Но и за ним есть еще фэйн брунюаз с гранью в 1,5 мм. Если говорить не о кубиках, а о солодке, то размеру смол дайс будет отвечать батонней (при той же ширине и высоте ее длина составляет 6—7 см), соответственно для брунюаз – жюльен (длина 6 см) и для фэйн брунюаз – фэйн жюльен (при длине 5 см).

Разобравшись с пищей для лилипутов, нарезать ромбики размером пейзан (12 мм x 12 мм x 3 мм) или круглые рондель, было уже сущим пустяком.

Хотя немного больше пришлось повозиться с турне. Несмотря на то, что это самая крупная форма по сравнению с предыдущими, она требует больше времени. Вначале картофелину формируют в бочонок. Затем в многогранник. Наконец, отсекают лишние фаски, так что в итоге получается 7 одинаковых сторон при высоте в 5 сантиметров. Причем, если картофель или морковь, сформированные таким образом, имеют высоту 4 см, их принято называть кокот, а если на сантиметр больше – шато.

Для того, чтобы получить шарики из цельного картофеля, французы пользуются специальными ложками, напоминающими скуп для мороженого. В результате выходят шарики паризьен (диаметром 3 см) или нуазет (2,5 см). Мне самому все это казалось бутафорией и мышинной возней. Но когда я сварил тривиальный куриный бульон, приготовил домашнюю лапшу и нарезал морковь с картофелем по-французски, а затем приправил все это свежей зеленью (à la Shaefonadde), курица едва не воскресла. Ибо плавать в этом божественном блюде показалось ей святотатством.

Я подумал, что сказал бы Жирдяй Тони, приготовь я его любимую французскую картошку в виде шариков паризьен (ты что, мать твою, совсем охренел, что это за дерьмо чепушилы?). О нет, сие яство не для свиного рыла.

Как и полагается всякому приличному маньяку, я вел двойную жизнь. Если утрировать, то можно сказать, что время с утра и до обеда я посвящал коленопреклоненной молитве, а с обеда до полуночи пахал на панели. Готовил изысканные блюда в первой половине дня и травил своих соотечественников убойным холестерином после. Меня это даже забавляло.

Пол, которого кулинарное свинство время от времени доставало, любил приправить очередной гамбургер тихим «жрите, твари». Я не мог понять одного. Как люди, предки которых поколениями готовили вкусную и здоровую пищу, могли скатиться до создания национального продукта под названием «фастфуд»?

Я сам вырос в обыкновенной семье среднего достатка. Моя мать прекрасно готовит. Сколько помню себя, овощи всегда превалировали у нас над жирной едой. Это были салаты, печеный картофель, овощная подливка, бобовые. Отварное мясо соперничало с тушеным, в тех случаях, конечно, когда отец не готовил стейк на заднем дворе. Мы почти не ели жареного. Два раза в неделю на столе была рыба. Мама делала превосходный суп из моллюсков, грибной суп, томатный, уху и даже борщ. Я уже не говорю о куриных отбивных, котлетах на пару, мясных рулетах. Овощной гарнир всегда сопровождал главные блюда, а еще на столе в обязательном порядке стояли пиалы с сыром, тертой морковью, нарезанным луком. Что такое кетчуп и майонез, я узнал из телевизора. В нашем доме бешамель делала мама. Хлеб в моих сэндвичах с ореховым маслом был самого грубого – его называли «фермерским» – помола. И еще мне давали два яблока или апельсин. Для фруктов в нашем холодильнике вообще была отдельная полка, она никогда не пустовала. Утро мы, как правило, начинали с молочных каш, голландского сыра, яиц вкрутую и заварного чая с гренками. К гренкам подавали домашний джем. По воскресеньям полагался омлет. Меня приучили пить простую воду со льдом. Сода (она же поп, кола, коук) в нашем доме стояла в основном для гостей.

Единственным поводом, когда мне с братьями и сестрой разрешалось выпить металлическую банку кока-колы, была пицца. Родители заказывали ее дважды в месяц, по пятницам. Отец звонил в итальянский ресторан, называл «комплектацию» (грибы, лук, домашние колбаски, сладкий перец, два вида сыра), а потом, примерно через полчаса, сам доставлял ее домой

в двух огромных картонных коробках. Тонкий слой теста, вкуснейшая начинка, готовка на дровах. Она была бесподобна. Не чета стандартной лепехе из сетевых пиццерий.

Разумеется, как и в семьях моих одноклассников и знакомых, время от времени мы ели пасту с томатным соусом на фарше, мексиканские тако, куда по желанию накладывали себе всякой всячины, и хот-доги (мама ушла и будет поздно). Но все это было скорее пикантным исключением из правила, по которому мы питались изо дня в день. И наши родители. И родители наших родителей.

Кто же тогда придумал кормить людей тем, что никогда или почти никогда не станет есть сам? Кто посадил на это меню самоубийц собственных детей по всей стране? Недостаток времени – просто отговорка. Всегда можно перекусить здоровой пищей, продуктов для этого предостаточно. Сэндвич из хлеба с отрубями, с листком латука, ломтиком грудинки и долькой лимона куда полезнее любого супер-пупер гамбургера. И не менее питателен.

В стране есть целые институты, специализирующиеся на здоровой пище. Они и иже с ними который год бьют в набат по поводу тотального ожирения. Но здесь, как с куревом. Людям нравится покупать дерьмо, которое их убивает. Кто бы и что бы ни говорил вокруг. Потому что единственный бог, которому поклоняется цивилизация, – это лень. Вы можете приготовить фруктовый салат, отварить мясо, запечь картофель в фольге, но вам лень. Вместо этого вы покупаете порезанную булку с куском чего-то, напоминающим мясо, и раздвигаете челюсти до отказа, имитируя звериный оскал (почувствуй себя хищником?), чтобы как-то затолкать кусок этого «праздника» в себя. Притом платите за все это идиотскую цену, абсолютно не совместимую с себестоимостью. Но вам нравится. А раз так – чтож, как сказал Пол, жрите, ленивые твари. Добро пожаловать в «Берлогу».

В отличие от вульгарной стряпни, мои «надомные» штудии давали куда больше поводов для гордости. Я бежал от обыденного. Европейская кухня увлекала меня все сильнее. Там было, где разгуляться. Будучи завсегдатаем хороших ресторанов в свое время, я, разумеется, знал, что американская кухня – не лучший образец изысканности.

В шестнадцать лет на школьных каникулах нас собрали в группу из трех классов и повезли в Лондон. Первый в моей жизни трансатлантический перелет. Конечно, я был олух-олухом, типичный тинейджер-раздолбай, которого больше интересовали задницы одноклассниц, чем Трафальгарская площадь. Поездка оказалась феерическим коктейлем из культурных ландшафтов, бесконечного драйва, весны, хохота, травы и алкоголя, но еще нас пару раз кормили за пределами отеля, и это было нечто. Там я попробовал заливного угря и настоящий английский пудинг.

С итальянской кухней мое знакомство состоялось в основном благодаря «Олив Гарден», «Биба» и «Мамма Мария». В «Коте» и «Дэниэл» я причастился кухни французской. Что касается морепродуктов не в калифорнийском, а средиземноморском ключе, то здесь моим бесшумным гидом на протяжении многих лет выступал «Зе Бэй Хаус».

И все же одно дело время от времени ужинать в дорогих ресторанах, совсем другое – пытаться приготовить что-либо из их репертуара самому. Представьте, что вам достается партитура третьей симфонии Шостаковича, а вы ни сном, ни духом. Приходится часами сидеть одному в оркестровой яме, издавая неудобоваримые полужвуки из инструментов, выбранных наугад. Приблизительно так я и начинал.

Трудности возникли уже на этапе подбора ингредиентов. В такой дыре, как Бактейл, я не мог найти даже пятой части от того, что было бы мне доступно, останься я в Мэдфорде. На весь городок здесь приходился один продуктовый магазин (бывший хозяйственный) «Доллар Дженерал» и забетонированная площадка у автовокзала, которую в теплое время года использовали по четвергам и уик-эндам для фермерского рынка. Я не мог купить обыкновенную свеклу, гречку, пармезан, не говоря уже об артишоках, белых грибах, свежих лангустах, оленине или мясе птицы Элиа.

Когда ассортимент блюд типа чечевичного супа или кукурузной каши вкрутую с жареным луком, шампиньонами и куриным филе в сметанном соусе истощился, мне не осталось ничего иного, как упасть на хвост Трэвису. Покупка собственной машины неотвратимо привела бы к засветке SSN. Даже если бы я приобрел последнюю колымагу за 200 долларов. Все равно ее пришлось бы регистрировать, оформлять страховку и номера. Интересно, что стало с моей «Тойотой»? Пустили с аукциона как собственность, оставленную без присмотра? Езда без номеров и страховки могла обернуться тюремным сроком, поэтому этот вариант я сразу отбросил.

Трэвис, как выяснилось, отправлялся в Норт-Платт каждый уик-энд. Там у него жили друзья, с которыми он любил оттянуться. Как я понял, в Норт-Платте находился еще кто-то, помимо друзей, о ком Трэвис предпочитал помалкивать. Мне это было только на руку. Трэвис привозил мне продукты по списку прямо домой, за что я оплачивал ему бензин в оба конца плюс пиво. Мы оба оставались довольны.

Готовка – весьма обыденное слово. Готовил я на работе. Дома – куховарил. Это понятие сродни алхимическому процессу золотоварения. Никогда не знаешь, что получится в итоге. Любой рецепт, даже самый подробный, – всего лишь карта местности. Он даст вам основные ориентиры, но из него вы не узнаете, как пахнет трава, как веет ветер, как пружинит земля под ногами, какой вид открывается с этого места. В процессе приготовления пищи есть десятки нюансов, каждый из которых влияет на результат.

Начнем с того, что вы никогда не найдете два одинаковых помидора. А уж как только в дело включается человеческий фактор (ведь все готовится на глаз и на вкус), каждое новое блюдо получается иным по определению. Как нельзя дважды войти в одну и ту же реку. У каждой хозяйки свой суп, учит народная мудрость. Я начинал с грибного. Затем попробовал сырный суп с курицей. По рецепту морковь и картофель предлагалось нарезать кубиками и соломкой, здесь мои навыки пригодились кстати. Потом я впервые сварил вишисуаз. Книга, в которой мне попался его рецепт, утверждала, что суп был придуман шеф-поваром ресторана Риц-Карлтон в Нью-Йорке французом Луи Диатом. Овощной бульон (так требовал первоисточник) не произвел на меня должного впечатления. Тогда я заменил его мясным, и вышло гораздо вкуснее.

Восточный суп шурпа долго не давался мне из-за того, что я не мог найти баранину. Всякий раз Трэвис возвращал список с одной невычеркнутой позицией. Наконец, в одном из магазинов этнической кухни в Норфолке мне попалось (сайта у них не было, пришлось звонить) баранье филе – 6 кусков в замороженном виде. Я рассчитался картой и заплатил за доставку в специальном ящике из пенопласта. С салом дела обстояли проще. И вот, когда я отварил мясное ассорти, добавил овощи (картофель, лук, морковь, помидоры, сладкий перец), довел до готовности и, охладив, посыпал мелко нарезанной зеленью, мне захотелось перечитать Хайяма. Баранина была нежной и податливой, а такого наваристого супа никогда не встретишь на Среднем Западе.

Потом я изобразил рагу по-креольски. Благо, креветки в наших краях не редкость. Причем креветки (среднего размера) вводятся на последнем этапе, а до этого крупно нарезанные спаржа, перец, измельченные лук и чеснок нужно томить в оливковом масле. Потребуется еще куриный бульон, мука и, конечно, креольские специи. Не стану врать, я купил готовую смесь. Собрать и перетереть самому орегано, тимьян, лук, чеснок, паприку и три вида перца у меня не хватило бы духу. После ввода креветок следовало подождать пару минут, не перемешивая. Затем поперчить, посолить. И есть, не отходя от кассы. Уверен, Рауль Гименес, шеф-повар ресторана «Эспозито», по-отечески потрепал бы мою щеку своей мозолистой рукой.

Я решил осознанно избегать эти модные словечки, вроде ризотто, фондю, фуагра, всем набившие оскомину. Мне хотелось готовить нечто необычное, вкусное и питательное одновременно.

Однажды в понедельник (мой законный выходной) мне взбрело в голову сотворить карбонады по-фламандски. Впервые, как и все в моей кулинарной практике. Блюдо казалось несложным. Я отбил говяжье филе, обжарил его с двух сторон. Потом в оставшемся жире довел измельченный лук до золотистого цвета и там же припустил зелень, добавив еще немного масла. Лук, мясо и зелень следовало уложить в кастрюле слоями. Сверху шел толстый кусок хлеба без корки, предварительно смазанный горчицей. Далее полагалось добавить один лавровый лист, тмин по вкусу и тушить все это хозяйство два часа на медленном огне, подливая некрепкое пиво (я купил «Бадвайзер») по мере необходимости. Блюдо следовало подавать с отварным картофелем (я приготовил паризьен) и подливкой, приправленной уксусом с сахаром.

Но до этого не дошло. Я никак не мог уловить тот самый момент «необходимости». Мясо стало подгорать. То ли сорт пива был выбран неправильно, то ли готовить следовало в сотейнике, а не в кастрюле. В конце концов, я угробил блюдо и спас продукты, залив в кастрюлю кварту сметанного соуса с лимонной цедрой и чесноком. К карбонадам это уже не имело никакого отношения. Но я съел с аппетитом, а Трэвису с Анной моя стряпня пришлась даже по вкусу. Видимо, за ночь сметанно-пивной маринад придал ей неповторимую прелесть.

Тем не менее, факт оставался фактом: я похоронил рецепт и признал поражение. В качестве реабилитации решено было продемонстрировать салат из зеленой фасоли по-колумбийски. В Колумбии любят молодые побеги, и фасоль – одна из их разновидностей. В отличие от большинства салатов, рецепт этого выглядел замысловато. Для начала фасоль следовало очистить и бланшировать в течение пяти минут. После чего остудить в холодной воде и тщательно просушить. Тем временем в салатницу нужно было положить нарезанный кольцами лук. К луку добавить фасоль. К фасоли нарезанные четвертинками помидоры. Мне понравился соус. Для того, чтобы его приготовить, нужно было смешать оливковое масло, орегано (свежего я не нашел, поэтому использовал порошок), сок лайма, перец и соль. И это еще не все. Салат полагалось охладить, а перед подачей посыпать перетертыми яйцами, сваренными вкрутую. Словом, вышло недурно.

Признаю, некоторое время я испытывал панический страх перед рыбой. Во-первых, из-за того, что разные сорта требовали знания тонкостей разделки. Во-вторых, работая с рыбой, нужно уделять особое внимание специям, иначе рыбная натура возьмет верх над вашими замыслами. И с первым, и со вторым мне удалось сладить в течение, примерно, года.

Наоборот, выпечка доставляла мне сплошное удовольствие. Я научился печь булочки, бисквиты, пироги, печенье, пирожные, рулеты и торты. В том, как мука превращается в хлеб, есть древний сакральный смысл. И я почувствовал, как мои руки лежат к тесту.

Каждую неделю я старался осваивать два-три новых блюда. Это не всегда удавалось. Иногда смена в «Берлоге» превращалась в адскую запарку, и снова стоять у плиты утром у меня не было ни сил, ни желания. В такие дни я отлеживался, просматривая фильмы или читая. Но иногда я кулинарил вдохновенно, часами напролет, вообще не чувствуя усталости. Самые изощренные блюда попадали в копилку моего опыта. Я совершенствовал соусы и закуски, жульены и маринады, мороженое и кремы. А однажды приготовил настоящего кродика по-валлийски.

Не спрашивайте, откуда я его взял. И не говорите соседям или полиции.

ИСХОД

В ночь на субботу мне приснился сон

Я, как обычно, жарил стэйки в «Берлоге». Стоял солнечный день. Никого, кроме меня, в кухне не было. Вдруг на пороге появился мальчик-посыльный в фирменной куртке и кепке DHL. Он принес мне коробку. Я расписался на планшете с бумажкой, который он мне протянул. Мерзкий скотч долго не поддавался (как всегда), и я даже стал нервничать по этому поводу. Наконец я схватил нож, вскрыл коробку и достал из нее голову Жирдяя Тони в пластиковом пакете, обложенную толстым слоем сухого льда. Как водится, к продукту прилагалась квитанция и еще пакетик с гелевыми шариками внутри – такие обычно кладут в коробки с обувью.

Голова была отменного качества, лысая, без единой капли крови. Я промыл ее под напором горячей воды, потер губкой. В кастрюлю залил два галона трехпроцентного уксуса, добавил три ложки соли и семь лавровых листьев. Перед тем, как опустить голову в маринад, я оттопырил нижнюю челюсть, обеспечивая доступ в ротовую полость. Накрыл крышкой и перенес кастрюлю в холодильник. Пока она там прохлаждалась, я стал готовить начинку. Отменное телячье филе и печень нарезал полосками и прогрел в кастрюле, пока мясо не побелело. Вытащил на салфетку и отжал. Измельченный лук спассировал на оливковом масле до светло-коричневого цвета.

Затем я взял другую кастрюлю. Вылил в нее галон молока и опустил батон белого хлеба. Дал хорошо пропитаться. Потом вытащил и отжал. Раскрошил его в кастрюле с мясом, добавил две луковицы, два яйца, ложку перца и немного мускатного ореха. Тщательно перемешал. На столе в несколько слоев я расстелил марлеву салфетку. Нарезал тонкими пластинами шпик. Достал из холодильника голову и тщательно вытер ее кухонным полотенцем перед тем, как положить лицом в шпик. Внутри она оказалась восхитительно пустой. Я открыл банку маринованных огурцов и нарезал их. Отварил семь яиц, охладил и нарезал вслед за огурцами. Зажал голову вертикально между двумя мисками. Большой ложкой я заложил слой начинки на самое дно черепа, потом слой огурцов, слой яиц. Снова несколько ложек начинки. И так, пока голова не заполнилась. Я обернул ее марлей, намертво связав концы, положил в кастрюлю и залил водой. Из корней петрушки, сельдерея и моркови нарубил ассорти, с доски высыпал в кастрюлю. Ложка перца, две ложки соли. Закрыв крышкой, поставил на огонь. И пошел курить.

Знаком ее готовности были широко открытые глаза. Я слил бульон. Загнав вилку в ухо, вытащил голову на блюдо, при этом она сузила губы и выпустила длинный ручей пара. Разрумяненный Жирдяй Тони улыбался. Но не моргал. Меня он не видел. Это был взгляд вникуда. Я нарезал апельсины в кожуре, листья латука, выложил их вокруг, декорируя. Свекольным соком навел на щеках два шутовских румянца и щедро посыпал голову и все вокруг порошком из пряностей и шанхайского пепла.

К тому моменту на мне вместо фартука был уже фрак. С подносом в руках я вышел в зал роскошного ресторана. Потолков в нем не было. Из высоких стрельчатых окон лился безмятежный утренний свет. Вдоль стен белели колонны, словно в соборе. По обе стороны от прохода с мраморными плитами на полу располагались столы, застланные белыми скатертями. Бесконечные ряды в шахматном порядке тянулись до самого горизонта. Стулья тоже были белыми, с бархатной обшивкой. Повсюду в больших кадках росли пальмы. Вокруг не было ни души. Я шел, и мои шаги отдавались гулким эхом. Потом заметил никелированную тележку и опустил взгляд на нее. Мне сразу полегчало. Нести блюдо самому больше не было смысла. Я расположил тележку по центру прохода, подравнял, проверил ход колес. Потом со всей дури пнул ее ногой, и она стала стремительно удаляться с громким скрипом колес.

И я проснулся. До работы оставалось четыре часа. Я выпил стакан воды и принял душ. Есть мне не хотелось. Блуждая в интернете, просмотрел новости и скопировал пару интересных рецептов. На обед я доел томатный суп-пюре и приготовил на пару котлету из скумбрии. К последней на скорую руку смастерил салат из пекинской капусты, сладкого перца, лука, яйца вкрутую и оливкового масла с тмином. Этой заправки мне хватило, чтобы не спеша, в свое удовольствие крутить педали до самой «Берлоги».

Как всегда, Жирдяй изображал бурную деятельность. Мы привычно не поздоровались. Он должен был мне зарплату за две недели – еще одна «прелесть» работы нелегалом. Мало того, что вы плюете в собственную старость (ни цента отчислений с вашей паханины на стороне не пойдет вам на пенсию), этот мудака, ваш хозяин, определяет сам, когда платить.

Я переоделся, вымыл руки и стал разогревать плиты. Трэвис занялся чисткой картофеля для фритюра. Он выглядел слегка задумчивым и в ответ на мои подколки отвечал односложно или что-то бурчал под нос. Клиентов было немного. Во время перерыва мы сидели на заднем дворе. Молча курили. День выдался славный, солнечный, в меру теплый, с пасторальными ватными облаками на пронзительно голубом небосводе. Последние деньки лета.

– Я ухожу, шеф, – сказал Трэвис.

Я понимающе кивнул:

– Нашел что-то попримечнее?

Трэвис сбил пепел в банку из-под кофе:

– Дядя зовет в Чикаго.

– Ммм, – промычал я с показной завистью, – большой город... У дяди свой ресторан?

Трэвис улыбнулся в стиле «если бы»:

– У него склад, где-то на окраине. На той неделе был пожар. Короче, нужны руки. Дядя говорит, работы хватит на пару месяцев. А там посмотрим. Может, что подыщу.

Он сузил глаза, затянулся, по-ковбойски уставившись на горизонт. Возражать не было смысла. Мы оба понимали, что в этой заднице ловить нечего. Тем более молодому парню, который уже нахватался азов достаточно, чтобы стать хорошим помощником шефа. В большом городе больше возможностей. Я был рад за него, хотя успел к нему привыкнуть.

– Когда? – спросил я, раздавив бычок об асфальт.

Трэвис добил свой:

– Самолет во вторник.

Пытливые воробы в поисках крошек почти вплотную подобрались к нашим ногам. Я прикинул, что так быстро замену ему не найдут, но на всякий случай уточнил:

– Жирдяй знает?

Трэвис покачал головой, улыбнувшись, как заговорщик:

– Сначала я хочу получить чек.

– Ну да, – согласился я.

Было ясно, что после того, как он скажет об уходе, никакого расчета не будет. Значит, требовалось забрать последний чек и свалить по-английски, не прощаясь. Судиться с этим хмырем за пару сотен себе накладнее. Жирдяй это прекрасно понимал.

Мы вернулись в кухню. Линда принесла свежие заказы, и я повесил их на стойке. Все оставшееся время Трэвис вел себя с прежним рвением, как ни в чем не бывало. В конце смены, уже за полночь, персонал стали приглашать в кабинет менеджера, по одному. Каждый выходил с конвертом в руках. Я стоял последним, хотя по статусу должен был получать деньги одним из первых. Но я не заморачивался. Чисто технически можно было оправдаться, что они забирали свое по ведомости, а мне полагался голый кэш. Поэтому я не делал особой трагедии.

Когда я вошел, Жирдяй выглядел удивленным. Он уже свернул свою бухгалтерию и с ключами от машины в пухлой руке собирался на выход.

– А, – насупившись, недовольно простонал он.

Вернулся к столу. Достал из кармана засаленный кожаный портмоне и отслюнявил мне четыре бумажки. Я вопросительно вскинул брови.

– У нас упала клиентура, – пробурчал он, не глядя на меня.

Я показательно pokrutil эти четыре сотни в руке:

– Ты должен мне за две недели, Тони.

Он взглянул на меня исподлобья, тяжело, по-звериному:

– Больше дать не могу. Зайдешь потом.

Он сгреб сумку, телефон и ключи.

По дороге на выход, пересекая зал, у меня было достаточно времени, чтобы подумать, ничего ли я не забыл. Свои ножи я держал дома. Униформа была чужой, обувь со мной. Чтож, говнюк, не мешало бы сжечь твою богадельню на прощанье. Или приготовить последнее парфе, насрав тебе в праздничную пиалу. Пожалуй, кто-нибудь из местных так бы и поступил. Но мне не хотелось мараться. Жирная тварь! Он понял, что своим ежедневным говноедством так и не смог меня достать, и решил бить долларом. Заставить выклянчивать заработанное. Причем отныне он платил бы мне в несколько порций, растягивая собственное удовольствие. Хрен с тобой, урод! Гори в аду!

На улице я подошел к машине Трэвиса. Он убрал Guns N» Roses. Я наклонился к окну: – До Чикаго подкинешь? Я только что уволился.

ДРУГИЕ БЕРЕГА

По сравнению с бегством из Мэдфорда и Флаинг Спэрроу, мой отъезд из Бактейла был почти плановым. У меня оставалось пару дней, чтобы собрать манатки. Повезло даже взять последний билет до Чикаго на тот же рейс.

Трэвис строил из себя деловую колбасу, но скрыть радость ему удавалось плохо.

Из Охары я взял такси. Мы доехали до парка на 17-й стрит. По словам Трэвиса, его дядя должен был подхватить нас у восточного входа, однако добравшись туда, мы не увидели никакой машины. Пока летели, мне стало известно, что дядя Роджер когда-то дослужился до торгового директора в «Кодаке», но потом ушел в собственный бизнес. Стал торговать тканями. Теперь у него было много клиентов, в основном, среди пошивочных мастерских. Правда, в последнее время дела шли не так гладко. Китайцы стали выбивать с рынка посредников и выходить на самый мелкий опт напрямую. Работать стало труднее. А теперь еще и пожар.

Трэвис печально замотал головой:

– Дядя старше моего отца на двадцать лет, уже почти старик. Но еще держится. Слава Богу, стены не пострадали. Говорит, с одной стороны полки сгорели почти полностью. Вместе с рулонами. С другой огонь почти ничего не тронул, но дым и пена сделали свое дело, и теперь даже ту ткань, что вроде бы уцелела, все равно придется выкидывать. Дела, в общем... Я на этом складе лет с пяти себя помню. Большой такой дом, каменный. Дядя говорил, его когда-то построил голландский фермер. Летом такая жара вокруг, а туда зайдешь – холодок, что в погребе. И запах стоит интересный – шерсть.

Трэвис улыбнулся по-детски. Я допил свой martini:

– Ничего, получит страховку, отремонтирует, всебудет в порядке.

Трэвис отвернулся к окну, помолчал. Потом взглянул на меня кислым взглядом:

– Не все так просто. Дядя сказал, страховая возместит убытки только по зданию.

Я многозначительно поднял брови. И понимающе кивнул. В наше время страхуются все. Самый последний лавочник стремится защитить себя от любых рисков и, в первую очередь, страхует товар. Если это не было сделано, и я угадал суть, то похоже, наш дядя Роджер имел на своих полках продукцию, которая могла заинтересовать федеральную таможенную службу. Такое случается. Тем более, если главная его клиентура – швейные цеховики. Эти ребята повсеместно не гнушаются припахивать липовых иммигрантов. Шить из левого материала им не привыкать. Тут уж с кем поведешься, как говорится.

Я не осуждал подпольного контрабандиста, мне скорее было интересно, как он выберется из этой передраги. При необходимости я мог бы даже помочь в плане лишних рабочих рук. Кто сказал, что дипломированный педагог, ставший поваром, не может подсобить на стройке? Где наша не пропадала? Держаться Трэвиса мне следовало еще и потому, что снимать жилье в таком мегаполисе, как Чикаго, всегда легче с кем-то. Для одного выходит слишком накладно. Конечно, оказаться в комнате после собственных апартаментов и съемных домов как-то неожиданно. Но мне ли привыкать к сюрпризам? После трех лет в «Берлоге» я почти одичал. Пора пробиваться на свет Божий. Посмотреть, как живут люди там, наверху.

Наконец, у обочины напротив нас остановилась выдавшая виды «Шэви», отрыгнув облачком черного дыма. На месте водителя сидел дед в клетчатом котелке. Он с трудом повернул голову. На лице его застыла гримаса то ли раздражения, то ли скорби. Огромный нос, мешки под глазами. Он смотрел сквозь нас, пока его тонкие губы медленно обрели подобие улыбки:

– Трэвис, – тихо выдавил он.

И также неспешно потянул рычаг, освободив крышку багажника. Мы закинули свои пожитки, потом расположились на задних сиденьях. В салоне пахло мочой и какой-то индийской хренью. Дядя Роджер тронул с толчком. Машина плавно набирала ход. Трэвис представил

меня дяде, но тот только кивнул, не проронив ни слова. Было похоже, что езда отнимает все его силы и внимание. Он включил какую-то местную радиостанцию. Из динамиков позади нас понеслось кантри. Я сидел на растрескавшейся кожаной обшивке, борясь с подсознательным желанием отодрать от нее кусок. Освежевать пластами. Или хотя бы запустить пальцы в поролоновую вагину.

Мы долго петляли по бульварам и дважды застревали в пробках, прежде чем выбраться на шоссе. Но даже за городом машин было предостаточно. Я успел отвыкнуть от такой толчеи. Мне было как-то некомфортно. Дядя Роджер вел с бесстрашием манекена, его профиль висел над рулем с той же неизменной гримасой. Сморщенной рукой он нащупал сигарету в кармане пиджака. Прикурил ее от серебряной зажигалки.

– Как мама? – спросил он, не поворачиваясь.

Трэвис ответил, что все в порядке. Старик выпустил сизую струйку дыма краем рта.

Минут через десять мы остановились у придорожной забегаловки, чтобы перекусить. Местечко было не лучше «Берлоги», мы с Трэвисом даже переглянулись. Старик купил нам омлет с беконом и по чашке черного кофе. Сам он стрескал подогретый кусок черничного пирога с подливкой из мороженого. Я попытался заплатить, он остановил мою руку. Снова поморщился, не поднимая глаз. Похоже, его что-то беспокоило физически. Мой статус оставался неопределенным до той минуты, пока он, справившись, не изрек безапелляционно:

– Остановитесь у меня, завтра отвезу вас на место.

Мы вернулись к машине. Часа через полтора я уже принимал душ, перед тем как забыться невинным сном в розовой комнате со скошенным потолком, которая когда-то давно принадлежала его дочери. Трэвис спал за стеной. Дом поскрипывал на ветру. Ветки разросшегося ореха царапали крышу при каждом порыве.

ОСТОВ

Ранним утром меня разбудил стук в дверь. Дядя Роджер был уже при полном параде – в шляпе и подтяжках. Двигался он бодро, на впалых щеках поселился легкий румянец. Его супруга, дородная женщина, накрыла нам завтрак в гостиной. После овсянки с беконом и тостеров мы снова погрузились в «Шэви». Старик выглядел живее, чем вчера, хотя мимика осталась неизменной. Минут сорок мы пилили по шестьдесят четвертому шоссе на юго-запад. Потом свернули в сторону Уитона.

– Когда-то это был отдельный город, – сказал дядя Роджер. – Но Чикаго растет. Пять лет назад они изменили межу, теперь это уже не пригород. Кхе-кхе.

Он откашлялся глубоко и душевно. Я подумал, что земля в этих краях наверняка взлетела в цене, как только отошла к Чикаго. Всюду одно и то же. А если так, то отчего бы ему не продать эту недожженную недвижимость с участком какому-нибудь фонду или корпорации, тем более, что, как я понял, дела с бизнесом на тканях явно не так хороши.

В этот момент мы как раз проехали через кленовую рощу. Старый, покрытый глубокими трещинами асфальт упирался в парковку, посыпанную гравием.

Перед ней возвышался двухэтажный каменный дом, когда-то переделанный под склад. Стену, где раньше была дверь, расширили под ворота. Вместо крыльца пристроили рампу для грузовиков.

Дом выглядел древним, с отвалившейся местами штукатуркой фасада, но еще вполне крепким. Не знаю, кем был построивший его фермер, однако на материал (каменная кладка в два фута толщиной) он явно не поспешил. И, судя по размерам этого строения, у него была большая семья. Конечно, окна потом заложили кирпичом на две трети, когда отапливать такую громадину стало накладно. Эта болезнь почти всей старой архитектуры. Люди девятнадцатого века тянулись к свету, а двадцатого к теплу. Поэтому вторые почти повсеместно изуродовали окна фасадов. Уменьшили их до необходимого минимума. Пройдитесь по главной улице в любом провинциальном городе, этого не скрыть. А на складе дневной свет вообще не нужен. Поэтому все окна, кроме одного внизу и двух на верхнем этаже, просто заколотили наглухо. Пара таких разломанных щитов теперь валялась на земле перед домом. Во время пожара их просто выбили.

Глубоко в гравий впечатались вмятины от колес пожарных машин. Вокруг было намусорено битой плиткой, обгоревшей мебелью и кусками дерматина.

Старик вылез из машины и долго копался в карманах брюк, прежде чем ему удалось выудить нужный ключ. Он отпер замок, широкая дверь ворот поддалась с лязгом. Уже здесь на крыльце, еще не войдя внутрь здания, я почувствовал сильный запах гари.

Каменный пол был усыпан осколками стекла, кусками гипса, обгоревшей шерстью. Света не было. Старик прихватил с собой увесистый фонарь. Стены и потолок покрывал густой слой сажи, создавая подобие некоего грота. Остов сгоревших полок торчал острыми сколами посредине зала. Потолок над ними прогорел в нескольких местах, но крыша не пострадала. По крайней мере, заглянув в эти черные пятна, я не увидел неба.

Аккуратно ступая, мы чавкали в грязи, образованной сажой и пеной ярко-бурого цвета.

– Проводка, – тихо пояснил старик, выветив на стене место, откуда пошла искра.

Поскольку полки были придвинуты почти вплотную, огонь тотчас перекинулся на ткани. А вообще ему повезло. Могло быть гораздо хуже. Товар, конечно, пропал, но здание пострадало не сильно.

Я попытался взглянуть в тьму. В дальнем конце зала с правой стороны винтовая лестница шла на второй этаж. Но меня заинтересовало не это. Я сделал несколько шагов вперед. Остановился, почувствовав преграду под ногами. Старик метнул луч фонаря в дальний угол,

и я заметил очертания древнего камина, припорошенного пеплом. Солнце проникало внутрь слоистыми пучками света. Отраженные слизью на полу, они рассеивались, не освещая. В одном Трэвис был прав – внутри царила прохлада. Но общая картина от этого лучше не казалась. Скорее, наоборот.

Я не знал, что собирался делать с этим зданием его дядя. И все же увиденного хватило, чтобы понять: прежде, чем сюда ступит нога плотника или маляра, надо будет убрать последствия стихии, просто чтобы обеспечить доступ к стенам и коммуникациям. А работы здесь не на одну неделю. Если же он решит реставрировать стены, то мы застрянем на месяц. Нахрапом старую школу не взять, придется играть перфораторами.

Я посмотрел на старика. Он стоял, задумчиво обшаривая фонарем обгоревшие дыры в поисках вчерашнего дня. Чтож, лиха беда начало. В багажнике «Шэви» дядя Роджер привез пару совковых лопат, веники и рабочие комбинезоны. Последние он купил в «Уолмарте». Мой был слегка узковат. Тачка, пила и совки ждали нас внутри.

Мы начали с того, что освободили окна, чтобы впотьмах не поубиваться. Затем я вооружился топором, а Трэвис был на подхвате. Старые полки, вернее, то, что от них осталось, нужно было разобрать и вынести на улицу. Полуобгоревшие рулоны ткани, пропитавшись сыростью, отяжелели неимоверно. Нам приходилось брать их вдвоем, чтобы с пола загрузить на тачку. И больше трех за раз увезти бы не удалось. Все это время центральные ворота оставались открыты настежь, поддерживая сквозняки. Так появлялась надежда, что мы не угорим от копоти раньше времени. Старик копошился рядом с нами, помогая по мелочам. Медленно, но верно, мы продвигались дюйм за дюймом.

– Когда расчистим пол, – сказал я, – нужно будет что-то вроде длинной швабры.

Старик согласился.

Мы курили на улице, расположившись под навесом, прямо на рампе. За парковкой начинался овраг, поросший орешником и кустами сирени. Я подошел поближе. Футах в двухстах по ту сторону велась стройка. Высился башенный кран, я видел сложенные в штабель плиты перекрытий и аккуратные пластиковые временки для рабочих. Синими огоньками искрила сварка. Похоже, некогда отдаленный пригород теперь активно обживался.

Мы работали до позднего вечера с перерывом на перекус. После обеда грузовик доставил большой контейнер для мусора, старик пожаловался, что фирма запросила за эту ржавую посудину «все его деньги». И зашелся кашлем. Проще было бы по-тихому закопать этот хлам. Все равно натуральное – перегниет, и шут с ним, без вреда природе. Мы перегрузили то, что успели вынести, в контейнер. Пол еще скользил под ногами, но уже начал подсыхать. Мести его пока не было смысла. Нужно было сначала разобраться с пеплом на потолке, стенах, а потом простучать штукатурку. Трэвис перемазался, на чем свет стоял, и утверждал, что я был не лучше. Мы вдоволь наржались. Самым смешным было то, что я даже понятия не имел, сколько мне заплатят. Просто работал и все. За еду и ночлег. Вырваться из «Берлоги» само по себе казалось праздником, поэтому меня все устраивало.

ЗАПАДНЯ

Перед тем, как уехать, уже в потемках, я застолбил местоположение в GPS айфона так, чтобы этого никто не заметил. Дома у старика был WiFi. Я посидел с ноутбуком до полуночи. И вот что я нарыл.

Район, где находился склад дяди Роджа, назывался Тахома Крик. Как и любой уважающий себя муниципалитет, мэрия города Чикаго имела план развития на ближайшую декаду. И документ этот был опубликован в открытом доступе для обсуждения с общественностью. Обычная, стандартная процедура. Интересным оказалось другое.

Стройка, увиденная днем, принадлежала подрядчику «Симменс и Майер», который за ближайшие десять месяцев обязался возвести новый бизнес-центр. Стоило бросить взгляд на карту в той же GoogleEarth, чтобы понять, что на десять миль в округе нет ни одного ресторана. Недалеко от центра по планам архитекторов и планировщиков должна была пройти дорога. Университет Тринити согласовал строительство двух дополнительных корпусов и студенческого городка для физико-химического факультета. А сразу за ним должен был вырасти жилой район. Им даже нарезали наделы. «Грехем Электрикс» год назад начала тянуть ветку в Тахома Крик, но меня порадовало еще и то, что при посредничестве университета нашлись доноры, оплатившие строительство нового хаба. Теперь, хвастался ректор, ученые Тринити получают сверхновые испытательные площадки и лаборатории с самым скоростным интернетом. На месте бывшего машиностроительного завода планировалось разбить промышленный парк, у них уже были крупные инвесторы для переноса и расширения производств.

Словом, слегка углубившись в планы Чикагского муниципалитета, я понял, что в скором времени сюда подтянется индустрия развлечений – торговые центры, клубы и прочее. Пока же ничего подобного не было. Я еще раз внимательно отследил круг радиусом в пять миль, центром которого был склад дяди Роджа. На всю эту площадь только две забегаловки. И, судя по всему, не самого высокого толка. Вот почему старику сегодня днем пришлось пилить минут двадцать за более-менее сносными сэндвичами и пивом.

В общем, Гугл меня определенно раззадорил. Здесь было, о чем подумать. Положительным моментом были амбиции Трэвиса. Отрицательным – закрытая от моего сканера мозговая деятельность его дяди, спорадическая, в жесткой борьбе с атеросклерозными бляшками, усугубленная старыми болячками и общим скептическим восприятием жизни. Достаточно взглянуть на его вечно недовольное лицо. С такими людьми тяжело иметь дело. Если он упрется, ни деньги, ни здравый смысл не заставят его свернуть. Это не поза, а состояние души.

Однажды моя мать в шутку упрекнула деда, что его ранчо, обычно такое ухоженное, выглядит слегка запущенным.

– Так и есть, – согласился дед, и добавил: видишь ли, я так долго разгребал все это дерьмо, что теперь мне самому на все насрать.

Хотя тогда он был еще бодр и в прекрасной памяти. Но что-то изменилось, что-то глубоко внутри. У старика Роджера вполне определенно могли быть свои виды, и к этому следовало быть готовым. Ибо большее всего судьба в этом мире лупит именно по раскатанной губе.

Я решил осмотреться. Начать с технических моментов. Моим первым открытием уже на следующее утро была дверь в глубине склада, слева от камина. За ней оказалась натуральная подсобка, захлапленная донельзя, но тоже с окнами, довольно просторная, если вынести все ненужное. И еще там был древний умывальник, ржавый, нерабочий. Ни дым, ни копоть в чулан не проникли, хотя и без них ремонт был просто жизненно необходим.

Затем по дубовой лестнице я поднялся на второй этаж. Пол основательно прогорел в двух местах. В одном из них особенно сильно и неудачно, так что без замены двух балок было не обойтись. Гарью здесь пахло невыносимо. Но крыша была цела, ни единого потека. Манев-

рируя между сугробами старой рухляди на полу, присыпанными пылью, я отметил прекрасный вид из окна, которое так же безвкусно обкорнали кладкой.

Белые стены, подумалось мне, и побольше цветов.

Когда мы с Трэвисом привели в порядок каменный пол первого этажа, я заметил, что дядя Родж встал перед дилеммой. Он ничего нам об этом не говорил. Однако, наблюдая за ним, я понимал, о чем он думает. После того, как мы смахнули сажу со стен, вид лучше не стал. Грязные жирные потеки вгоняли в тоску как его, так и потенциальных покупателей.

Приглашенный электрик залупил цену за ремонт проводки. Дядя Родж полдня плевался и возмущенно бормотал что-то себе под нос, пока мы монотонно, дюйм за дюймом простукивали стены. Как я и предполагал, штукатурка пережила стихию. Меня это не особенно радовало. Стены были кривыми, как и полагалось старому дому фермера, но я сильно сомневался, что местные мастера захотят играть с выравниванием поверх старой облицовки. Обычно такие парни любят сбивать ее до кирпича, а уж потом наносить новую. Так дороже для хозяина и, соответственно, доходнее для них. Своего они не упустят.

Там, где горели полки, прислонившись почти к стене, и с другой стороны, между окон, мы отвалили на пол почти восемь ведер растрескавшейся смеси. Картина стала еще «веселее». Продавать этот «курятник» в таком виде можно было только на слом. То есть незаслуженно дешево, почти по цене земельного участка.

С другой стороны, любое улучшение требовало вложений. Хуже того, прежде, чем отстегивать на ремонт, надо было определиться с его будущим назначением, а у дяди Роджа, как я понимал, не было конкретной позиции в этом вопросе. Он попросту не знал, кому это сбегривать. Для хознужд хватило бы починить проводку и выбелить стены. Для производства нужно было тянуть еще одну фазу, разбираться с водопроводом и сливом и еще черти с чем.

Кстати, о чертях. Если подновить фасад, снять мох с крыши и навести марафет внутри, здесь вполне можно было бы обустроить молитвенный дом. Поэтому, когда к нам нагрязнул убеленный сединами преподобный Найджел, а следом за ним предводитель общины менонитов, я понял, что медлить больше нельзя.

Действовать следовало быстро, но тонко. Я начал с Трэвиса. Просто бросил зерно, почти оговорился. В духе: как славно было бы иметь свой ресторан в твои годы. Большой зал внизу, маленький наверху. В подсобке можно оборудовать кухню – до газа футов триста.

Парнишка повздыхал с глупой улыбкой. Потом задумался. Я понял, что он мой.

– Здесь ни одного кабака поблизости, – подливал я время от времени. – Вокруг стройки, через год народу тут будут толпы, и они захотят есть. Они скажут, накорми нас, Трэвис. А где будешь ты? Жарить куриные стейки в «Маме Джо»?

Я видел, что задел его не нашутку, и взял следующее полено:

– Дядя любит тебя, я знаю. Не упусти шанс. Поговори с ним.

Потом я дал ему потомиться пару дней на медленном огне. Прежде, чем сделать финальный пас.

Я сказал, что готов вложиться в ресторан на правах партнера. Для Трэвиса это было бы серьезное подспорье в разговорах с дядей. Как ни крути, а дядя Родж почувствует запах денег. В этом я не сомневался.

Через пару дней за ужином, когда тетя Полли, покончив с посудой, ушла к себе, и мы остались втроем, чтобы пропустить по стаканчику вермута, старик взглянул на меня:

– Трэвис говорит, ты собираешься открыть ресторан.

На его лице не было ни тени улыбки, ни издевки, ни заранее принятого решения. Он просто излагал.

Я кивнул:

– У меня есть сорок штук. Хватит, чтобы привести здание в порядок.

Старик поморщился в смысле «допустим».

– Еще двадцать я готов вложить в оборудование – плиты, холодильники, вытяжки. Семь – на мебель и посуду. Пять на рекламу. Плюс покупка лицензий. Если вы поможете с парковкой – у нас все получится.

Он посмотрел на Трэвиса. Тот сидел, потупившись. Старик поднес к губам бокал и пустил глоток вермута в закадычье:

– А зачем мне весь этот цурес?

Я пригубил свой:

– И дом, и земля останутся ваши. Мы откроем компанию – я и Трэвис. Ресторан будет в аренде. На десять лет. 25 сотен в месяц после открытия и 3 тысячи после года. Если мы облажаемся, у вас останется готовый бизнес. И стоить он будет подороже того, что вы можете выручить сейчас. Вы ничем не рискуете.

Он продолжал молча цедить вино. Трэвис проглотил язык, и мне это казалось забавным, хотя и играло против меня. Молится что ли, сукин сын. Мог бы поддакнуть, расшевелить старика.

Стакан опустел, он потянулся к бутылке, плеснул еще четверть. Грузно закупорил. Повел бровью:

– А чем вы собираетесь купить людей? Никто не станет ехать сюда ради обычной забегаловки. Местные вам не подмога.

Я поймал на себе взгляд Трэвиса. Старик был прав. Рано или поздно в Тахома Крике будет людно, но пока солнце взойдет, роса глаза выест. Времени на раскачку у нас впритык. Ресторан должен выстрелить. Как насчет блюд из конопли? Первый в Иллинойсе ресторан «Волшебный горшок», даже в Колорадо обзавидуются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.